

WIADOMOŚCI POLSKIE ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

3 (55) - 2017

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ

TADEUSZ KOŚCIUSZKO PATRONEM ROKU 2017

Kościuszko na czele kosynierów pod Racławicami

Akwarela Juliusza KOSSAKA

19 августа 2017 года в станице Платнировской в рамках празднования Дня Кореновска и Кореновского района прошёл фестиваль народного творчества «Венок дружбы».

Впервые в мероприятии приняли участие творческие коллективы Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство».

Участникам и гостям фестиваля запомнились польские зажигательные песни в исполнении ансамбля «Чарующие шлягеры», а также солистов Сергея Дейко и Александра Гогавы.

Поляки Кореновского района с радостью поддержали своих соотечественников.

27 августа 2017 года в Краснодаре прошло празднование Дня российского кино, одним из организаторов которого выступило краевое учреждение культуры «Кубанькино» – давний партнёр Польского центра «Единство» по проведению Дней польского кино на Кубани.

Полонийный ансамбль «Чарующие шлягеры» показал ряд песенных композиций и пригласил гостей праздника на предстоящий 10-й фестиваль польских фильмов «Висла».

2 сентября 2017 года в станице Голубицкая Темрюкского района Краснодарского края состоялся День польской культуры, организованный Польским центром «Единство» и поляками Темрюкского района. Особую активность в проведении праздника оказал лидер местной колонии пан Александр Кузнецов и члены его семьи.

16 сентября 2017 года состоялось празднование 80-летия Краснодарского края. Самые масштабные гуляния прошли в Краснодаре на площади у «Баскет-Холла».

Национальные общины Кубани, в том числе и Польский центр «Единство», развернули свои подворья, поделившись с участниками праздника красотами польской культуры.

17 сентября 2017 года в Краснодаре состоялось общее собрание членов КРОО Польский национально-культурный центр «Единство». Прозвучали выступления председателя и членов организации, был намечен план работы организации на будущий год.

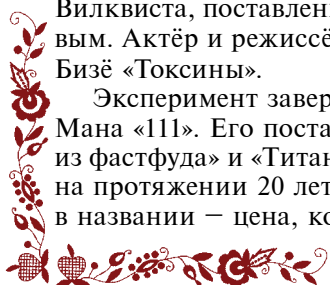
19–24 сентября 2017 года в Краснодаре состоялся 10-й фестиваль польских фильмов «Висла». В день открытия фестиваля зрители увидели дебют Яна Матушиньского «Последняя семья», удостоенный приза «Главное открытие года» Польской киноакадемии и ставший лауреатом премии «Золотой лев», о знаменитом польском художнике-сюрреалисте Здиславе Бексиньском и его семье, существовавшей в своём собственном, специфическом мире. Зрителям были представлены разножанровые работы знаменитых и молодых польских режиссёров, отобранные из 12 самых ярких картин последних двух лет: исторические военные драмы, психологический триллер, биографическая лента и сборник короткометражек. Все картины демонстрировались на польском языке с русскими субтитрами. Завершила фестиваль дебютная картина Петра Хшана «Клезмер», раскрывающая жестокость войны и показывающая силу инстинктов в борьбе за выживание.

20–22 сентября 2017 года в краснодарском творческом объединении «Один театр» при поддержке Польского центра «Единство» впервые прошла Лаборатория польской драматургии. Лаборатория – творческий эксперимент: режиссёры в сжатые сроки репетируют с актёрами выбранные пьесы. Получившие эскизы представляют публике и обсуждают с ней увиденное. В дальнейшем эскиз может стать полноценным спектаклем и войти в репертуар театра.

В первый день лаборатории 20 сентября зрители увидели эскиз по пьесе «Ночь Гельвера» Ингмара Вилквиста, поставленный главным режиссёром краснодарского Молодёжного театра Даниилом Безнососым. Актёр и режиссёр «Одного театра» Артём Акатов 21 сентября показал работу по пьесе Кшиштофа Бизё «Токсины».

Эксперимент завершился 22 сентября эскизом по пьесе современного польского драматурга Томаша Мана «111». Его поставил актёр краснодарского Молодёжного театра и режиссёр спектаклей «Балерина из фастфуда» и «Титаник» в «Одном театре» Алексей Суханов. Это история жизни одной польской семьи на протяжении 20 лет, которая заканчивается трагически – убийством сыном своих родителей. Цифра в названии – цена, которую герой пьесы заплатил за оружие.

В конце каждого вечера зрители обсуждали постановки и выражали своё мнение по поводу театральных эскизов.

Знаменательное событие в Ставрополе

СТАВРОПОЛЬСКИЙ римско-католический костёл Преображения Господня был построен в середине XIX в. на средства, собранные всем миром. В начале XX в., а именно — с 1903 г., жизнь прихожан особенно активизировалась. Примером тому служит создание Первого Римско-католического общества помощи бедным, где нуждающимся прихожанам оказывалась помощь, в т. ч. медицинская. Также при нём была создана библиотека с польской литературой. Особая роль принадлежала обучению талантливых детей в гимназиях.

С установлением советской власти жизнь прихода была почти

3 сентября 2017 г. в Ставрополе состоялось знаменательное историческое событие — освящение отреставрированной квартиры-часовни в здании бывшего исторического костёла, в которой после векового перерыва прошла первая святая Месса.

прервана в связи с отсутствием католического священника (по понятным причинам), а само здание было перестроено под жилые квартиры, лишь колонны напоминали о былом величии костёла.

И только спустя столетие в этом историческом здании вновь прошла первая святая Месса, собравшая христиан Ставрополя. Ярким событием явилось

освящение квартиры-часовни епископом Клеменсом, прибывшим с пастырским визитом из Саратова, посещение ставропольских прихожан-католиков, а также почитание мощей блаженного Владислава Буковинского и установление их в алтарь.

Прихожанами и гостями, приехавшими из Новопавловска, Пятигорска, Минеральных Вод были сказаны тёплые слова в адрес почётного гостя епископа Клеменса и настоятеля ставропольского прихода о. Ярослава, трудами которого начато возрождение храма.

В заключение программы вокальной группой польской организации «*Wolność*» г. Минеральные Воды были исполнены духовные песни в оригинальной обработке. Одна из них — «*Barka*» — являлась любимой песней Иоанна Павла II.

Концерты в Ростове-на-Дону

В рамках празднования 80-летия Ростовской области 15-16 сентября 2017 года члены Союза поляков Дона выступили с концертными программами в детском саду №80 и школе №70 города Ростова-на-Дону.

ПОЛЯКИ Дона представили самую объёмную концертную программу из всех выступавших диаспор и землячеств, состоявшую как из декламации детских стихов на польском языке (Амадеуш Шидловский, 7 лет), так и вокального исполнения народных польских песен. Эти учебные заведения были выбраны Союзом поляков Дона для выступлений ещё и потому, что в них присутствуют этнические

поляки среди преподавательского состава, активно содействующие продвижению польской культуры. В этих учебных заведениях в 2016 году уже ставились кукольные спектакли на польском языке по

мотивам польских сказок, а на 2017 год намечены кукольные и театральные постановки на польском языке «Репка» и «Рождество».

Также в школе №70 действует школьный этнический кружок по изготовлению кукол в польских народных костюмах, в том числе и для кукольных постановок. 16 сентября 2017 года школа №70 вручила Союзу поляков Дона одну из своих прекрасных работ — куклу польской девочки — для передачи в Консульство Республики Польша.

Алексей ШИДЛОВСКИЙ

Поездка детей на две недели в Польшу. Вот, съездыт, посмотрят, и вернутся. Как всё просто выглядит со стороны!

ОЛЬШТЫН-2017

«По следам Коперника»

Фото на память с Маршалекком Сената

ПОДГОТОВКА к выезду-2017 началась, как говорится, задолго до. В марте мы уже корпели над списками, в апреле утрясли формальности, связанные с заполнением анкет, и всё-таки, всё как всегда — даже за пару дней до, собственно, выезда продолжали «вылезать наружу» просроченные паспорта, неправильно составленные доверенности, внезапные замены. Огромное спасибо хочется сказать пани Елене Серёгиной из Дома Польского в Москве — как она уже столько лет подряд умудряется курировать выезды детей из всех полонийных организаций России — в голове у меня не укладывается! А у неё — наилучшим образом!

На самом деле это адский труд для многих, зачастую даже не знакомых между собой людей: сотрудников консульства, кураторов из Вспульноты Польской, представителей визового центра Польши, опекунов, родителей, нотариусов, в конце концов.

Выезд был традиционно из Москвы — нам, краснодарским, ещё нужно было туда добраться. Нам — это мне (опекуну), Полине Карбовницкой, Лизе Сухомлиновой и Софье Буйволовой — победительнице художественного конкурса «Россия-Польша», о котором

мы рассказывали в предыдущем номере. Девочка хоть и не имеет польских корней, благодаря своему труду художника и воле Консульского отдела, пообещавшего в качестве награды свозить призе́ра в Польшу, наконец-то едет с нами. Точнее, мы с ней — спасибо родителям Софьи, добросили до Москвы!

В Москве нас бодро встречает второй опекун — пани Оксана Меченко, взволнованные родители вручают нам своих чад, чьи документы мы лихорадочно проверяем под крики «Автобус приехал!» на автостанции Варшавской. Напутственное «*Z Bogiem!*» пани Серёгиной, и мы уже катим в автобусе в ночь в направлении Минска. Самому младшему —

Андрею Курину — 10 лет, самому старшему — Мише Хрулю — 17.

Автобус — это вам не самолёт. Долгий переезд и пересадка в Минске — полбеда. А вот прохождение границы с Польшей с группой почти из 30 детей — это весело. Особенно впечатлил платный туалет на границе, в котором не принимали доллары (мы же не в США!), не принимали евро (мы же не в Евросоюзе!), не принимали злотые (мы же не в Польше!) и не принимали рубли (мы же не в России!). Тот факт, что у людей, едущих из Москвы в Варшаву через Беларусь, белорусских рублей может и не быть, никого не волнует. Дошло на нас советской логикой, холодной, бессмысленной и беспощадной. Другое дело, что пускают и так, если очень попросить. Мне даже просить особо не пришлось — со стайкой детей и с маленьким Андреем на руках у меня просто ничего не потребовали.

Приехали мы в Ольштын только через сутки с лишним после выезда из Москвы. Однако условия были более чем отличные — разместили нас в общежитии на территории кампуса Варминско-Мазурского университета, пустовавшем по причине каникул. Озеро — в 3 минутах ходьбы, столовка — в 10. Кортгы, футбол, расписание, экскурсии, а помимо этого — ещё дети из Полонии Украины, два опекуна из Польши — пани Ася и пан Славек. Вкладывала нам всё это в наши не успешшие прийти в себя после переезда головы с какой-то космической скоростью на чистом польском куратор из Вспульноты Польской Кася Чижикая. Через день, слава Богу, всё стало на свои места.

Дариуш Бониславский, Ян Карбовницкий, Станислав Карчевский, Оксана Меченко

Автопортрет

ПРЕЖДЕ всего, следует отметить неповторимую и обворожительную польскую архитектуру. Аккуратные дома приглушенных оттенков с великолепной лепниной и искусственными фресками поражают воображение. Они выстраиваются в ровные ряды и прижимаются друг к другу так близко, что невозможно определить, где заканчивается первый и начинается второй. Ты словно оказываешься в огромном лабиринте, где крыши домов тянутся вверх, а мощёная дорога дополняет старинную атмосферу и затягивает вглубь. Таково ощущение, когда гуляешь по старому городу, но отдельное внимание стоит уделить и современной

Свидание с Польшей

В мире много стран. У каждой из них своя культура, своё устройство и особенности. О каждой можно написать множество хороших слов, но в здесь речь пойдёт именно о Польше.

Что запомнилось больше?

Ну как можно выделить что-то одно? Замок Мальборк, Торунь, выезд в Варшаву на торжественный приём во Вспульноте Польской, купание в озере, прогулку по Старувке Олыштына? Как можно сказать, что было лучше, что нет?

Мне лично запомнились три удивительных момента. Первый — выезд во Фромборк и посещение Кафедрального собора Вознесения Пресвятой Девы Марии и святого апостола Андрея Первозванного. Для меня это не пустой звук — пятнадцать лет назад это место было первым, посещённым мною самостоятельно в Польше. Традиционно я переводил экскурсию на русский для детей, плохо владеющих польским или не владеющих им вообще. В конце ко мне подходили совершенно незнакомые мне люди, поляки. Поблагодарить. В такие моменты чувствуешь, что живёшь не зря.

Второй — это встреча и беседа в удивительно тёплой атмосфере со специально приехавшим к нам в Олыштын Маршалеком Сейма Польши паном Станиславом Карчевским. Мне приятно было также вручить пану Маршалеку несколько последних номеров «Польских Ведомостей» и поблагодарить его непосредственно за предоставленную нашим детям возможность отдыха.

Третий — конные прогулки для наших детей, организованные всё той же неутомимой Касей Чижицкой. Насчёт коней не знаю, но дети были в восторге!

Настало время прощаться. Для нас отъезд — это не только и не столько тяжёлая обратная дорога, сколько печаль от того, что расстаёмся с полюбившимся нам Олыштыном. Конечно, обмениваемся контактами с Касей, Славеком, Асей. Увидимся ли мы когда-нибудь? Кто знает...

Огромное спасибо хотел бы также сказать всем воспитателям, преподавателям польского языка и родителям детей из полонийных организаций Москвы, Казани, Уфы, Краснодара и других городов. С полной ответственностью заявляю, что это — лучшие и достойнейшие из детей, поехавшие в Польшу заслуженно и по праву.

Ян КАРБОВНИЦКИЙ

архитектуре. Необычные формы, интересные решения. Глядя на неё, понимаешь, что идеальное в жизни все-таки бывает.

Однако не только это радует ум перфекциониста. Всё в Польше продумано и рационально. Никто не оставлен без внимания. Велосипедисты, пешеходы, водители, пассажиры общественного транспорта, люди с ограниченными возможностями и просто все, кто волею судьбы оказался в этой замечательной стране, имеют возможность без труда воспользоваться общественными благами. А впрочем, благодаря чему складывается такая обстановка? Всё просто! Благодаря уважению к другим и себе. Потому что кто-то не сказал «и так сойдёт», потому что подумал о людях и выполнил свою работу так, чтобы самому себе не казаться ленивым и недостаточно умным. Так или иначе, в Польше начинаешь чувствовать себя Человеком.

Что касается знакомства с культурой, оно было удивительным. Мы посетили множество городов, музеев и разных интересных мест. Среди них варшавский центр науки «Коперник», торуньский планетарий, а также замок Мальборк, которому хотелось бы уделить особое внимание. Во-первых, он поражает своими размерами. Проще говоря, замок просто огромен. Во-вторых,

впечатляет историей. Сколько исторических личностей с ним связано, и сколько людей приложили усилия, чтобы мы могли увидеть его живую сейчас! Ну, а в-третьих, увлекает внутренним устройством. Мы ходили по нему полдня, а я не переставала удивляться системе отопления, располнению комнат, маленьким скульптуркам с необычным значением и многим другим интересным вещам.

Ещё одно место, которое мне очень понравилось — это верёвочный парк. По сути он не был каким-то особенным и из ряда вон выходящим, но тем не менее дал возможность развеяться и выплеснуть накопившуюся энергию. А кроме того, интересно было наблюдать за реакцией и поведением других людей.

Вроде бы упомянула все основные аспекты поездки, но осталась ещё одна не очень значительная, но достойная внимания деталь, за которую хотелось бы сказать спасибо поварам столовой студенческого городка Варминьско-Мазурского университета, — невероятно вкусный грибной суп! Он запал мне в душу, и даже был добыт рецепт, но, к сожалению, повторить сей шедевр дома мне не удалось.

Софья БУЙВОЛОВА

UMIESZCZENI przez ojca w Lubieszowie w 1755 roku przebywali młodzi Józef i Tadeusz Kościuszkowie w szkołach pijarskich do roku 1760. Gdy otworzono w Warszawie Korpus Kadetów, czyli Szkołę Rycerską, Kościuszko znalazł się na liście jej wychowanków 18 grudnia 1765 roku. Słuchał Kościuszko geometrii i fizyki, historii i prawa krajowego, przyswajał sobie język francuski i niemiecki, a z nauk specjalnych zapoznawał się z fortyfikacją, artylerią, architekturą wojenną i taktyką. Po pobycie w korpusie otrzymał Kościuszko od króla patent oficerski i został zaangażowany w poczet oficerów korpusowych w charakterze wice brygadiera z rangą chorążego. Po dwu latach otrzymał awans na kapitana. Król lubił go i ofiarował Kościuszcze stypendium na dalsze studia na obczyźnie. W połowie 1769 roku wyruszył w drogę do Paryża, gdzie wstąpił do królewskiej Akademii Malarstwa i Rzeźby. Rozczarował się jednak do swego talentu, porzucił Akademię i zaczął studiować matematykę, mechanikę, sztukę wojenną ze specjalnym uwzględnieniem fortyfikacji. Po pięcioletniej nieobecności wrócił do kraju w połowie 1774 roku. W październiku 1775 roku pożegnał się Kościuszko z rodziną i znajomymi i wyruszył do Dukli a stamtąd do Krakowa i Drezna by bez skutku szukać szczęścia w służbie saskiej.

W znanej dobrze Francji Kościuszko podjął decyzję wyjazdu za ocean do szarych szeregów ochotniczych, zmagających się z najezdniczą przemocą. W sierpniu 1776 roku wylądował w Filadelfii i podał niezwłocznie prośbę do Kongresu by przyjęto go do wojska Ameryki Północnej. Wydział Wojny przekonałszy się o jego wiedzy i zdolnościach wyraził przychylną opinię, na której mocy Kongres mianował go inżynierem w randze pułkownika.

Całą zimę spędził Kościuszko w Filadelfii zajęty fortyfikowaniem rzeki Delaware. Na wiosnę 1777 roku odkomenderowano go do umocnienia fortu Ticonderogi, będącego „kluczem do wszystkich kolonii Nowej Anglii”. Później dowódca północnej armii generał Horacjusz Gates zlecił Kościuszcze wybrać pozycję do bitwy w pobliżu wioski Saratogi i oszańcować panujące nad okolicą wzgórza Behmusa. Przeciwnik zdobyć ich nie zdołał i po dwóch szturmach prowadzonych z wielką zaciekłością

mu s i a ł

SŁAWNI POLACY

Urodził się w średniozamożnej rodzinie szlacheckiej herbu Roch Trzeci. Pod Brześciem Litewskim znajdowały się dobra Siechnowicze, stare gniazdo rodu, darowane przez króla Zygmunta I pisarzowi swemu Konstantemu synowi Teodora, nazywanemu przez monarchę spieszonym imieniem Kościuszki. Ojciec naszego bohatera Ludwik Tadeusz syn Ambrożego i Barbary z Glewskich sprzedał część swoją w Siechnowiczach biorąc w zastaw folwark Mereczowszczyznę w powiecie Słonimskim. Tutaj ożenił się z Teklą Ratomską i tutaj zapewne przyszły na świat jego dzieci: Anna, Józef, Katarzyna i Andrzej Tadeusz Bonawentura.

TADEUSZ

rozpocząć odwrót i ścigany bez wytchnienia 17 października 1777 roku złożył broń. Rola Kościuszki była wielka. Sam Waszyngton pisał do Kongresu, że Kościuszko zasługuje bardzo, aby go pamiętano. W ciągu następnych dwóch i pół lat Kościuszko ufortyfikował rzekę Hudzon i na skale West-Point wznosił tak silną twierdzę, że według świadectwa generała Armstronga odstraszyła ona nieprzyjaciela od wszelkiej próby opanowania «Krainy Wyżyn».

W roku 1780 został Kościuszko mianowany głównym inżynierem armii południowej. Zaraz na początku zbadał dorzecza rzeki Pedee. Potem sporządził dla armii pontony na których dwukrotnie uratował armię generała Greena od ataku przeważających sił nieprzyjacielskich. Następnie kierował robotami inżynieryjnymi przy oblężeniu forteczki Ninety Six oraz prowadził partyzantkę jako oficer polowy.

Po zakończonej wojnie w uznaniu zasług Kongres 13 października 1783 roku awansował Kościuszkę na generała brygady, wydzielił mu duży obszar ziemi i oświadczył „swe wysokie uznanie dla jego długich, wiernych i bardzo cennych zasług”. Jako walczący oficer otrzymał też pięcioletnią gażę w wysokości 12 280 dolarów.

Pobyt w Ameryce dawał Kościuszcze niezależność materialną, praktykę bojową i obszerną wiedzę; rozszerzył i pogłębił jego światopogląd. Odpłynął z Nowego Jorku w lipcu 1784 roku, a w końcu tegoż

roku znajdował się już na ziemi ojczystej. Uchwała Sejmu Czteroletniego co do powiększenia wojska do 100 tysięcy umożliwiła Kościuszcze wstąpienie do Wojska Polskiego. W październiku 1789 roku mianowany został generał-majorem wojska koronnego z przeznaczeniem do dywizji generała Malczewskiego w Wielkopolsce, gdzie stanął kwaterą we Włocławku.

W dobie Sejmu Czteroletniego stronnictwo patriotyczne zrzuciło opiekę rosyjską i zawarło traktat sprzymierzeńczy z Prusami. Pod osłoną tego traktatu dokonano reformy rządu i przeprowadzono Konstytucję 3 maja 1791 roku. Konstytucja ta wprowadzała podział władzy na prawodawczą, wykonawczą i sądowniczą. Sejm przekształcono w instytucję stałą. Ograniczono ingerencję izby senatorskiej. Zniesiono *liberum veto* i konfederacje. Zapewniono tolerancję religijną. Obrano na następcę Stanisława Augusta – elektora saskiego.

Kościuszko tymczasem został przeniesiony do dywizji małopolskiej z kwaterą w Lublinie. Gdy dywizja przesunięta została na Podole celem zabezpieczenia granic polskich przed inwazją rosyjską, poszedł z nią do Międzyborza.

Armia rosyjska pod wodzą Michaiła Kachowskiego wkroczyła na Podole i Ukrainę. Korpus Andrieja Lewanidowa miał uderzyć na tyły armii polskiej. Przeciwno niemu skierowano Kościuszkę. Objął on komendę nad lewym skrzydłem

armii polskiej. Przy odwrocie z Lubaru tak zaszachował on Lewanidowa, że ten nieśmiało przez Słucz się przeprawił w obawie by Kościuszko mu tyłów nie zajął i pozostał bezczynny.

Nastąpiła wreszcie wygrana przez Polaków bitwa pod Zieleńcami z awangardą armii rosyjskiej. Bitwa ta opóźniła nieco, ale nie wstrzymała Rosjan w ich pochodzie.

Kościuszcze powierzono główne skupienie pod Dubienką. Tu też nastąpiła rozstrzygająca w tej kampanii bitwa – mężny pięciogodzinowy opór dywizji Kościuszki pięciokrotnej przewadze połączonych korpusów Michaiła Kutuzowa i Iwana Dunina. Bitwa pod Dubienką przyniosła Kościuszcze sławę głośną i zdawała się wskazywać narodowi, że jest to jedyny wódz, który zdoła hańbę zmyć i byt polityczny od zgłady ocalić.

KOŚCIUSZKO

1 sierpnia 1792 roku ogłoszono nominację Kościuszki na generał-lejtnanta, ale już generalicja i 220 oficerów podało się do dymisji. Następnego dnia Kościuszko wyjechał do Warszawy, gdzie zaklinał go król by się nie podawał do dymisji i innych powstrzymał. 11 sierpnia będąc w Radomiu otrzymał list od księcia Józefa z przyslaną mu dymisją. Po przekazaniu komendy generałowi Wielowiejskiemu Kościuszko powrócił do Warszawy, gdzie przez dłuższy czas chorował. Po niedługim pobycie w Galicji postanowił jechać do Lipska, ówczesnego centrum emigracji polskiej. W czasie półtorarocznego przebywania poza krajem Kościuszko brał czynny udział w przygotowywaniu powstania narodowego.

W dniu 23 marca Kościuszko przybył do Krakowa. Następnego dnia na rynku krakowskim wojsko złożyło przysięgę na wierność Narodowi Polskiemu i posłuszeństwo Kościuszcze, Naczelnikowi Najwyższemu. Odczytano Akt powstania. Szczególnie w nim zwraca uwagę szerokość pełnomocnictw dyktatorskich udzielonych Kościuszcze i demokratyczny charakter aktu, jego dążność do wciągnięcia chłopów do obrony państwa.

Siłę wojenną postanowił Naczelnik rozwinąć do 300 tysięcy zbrojnego ludu. Swoją improwizację oparł na trzech systemach. Pruski system „kantonu” wprowadził Kościuszko z całą bezwzględnością, biorąc z 5 dymów 1 rekruta pieszego, z 50 dymów 1 konnego i nakładając na dwory obowiązek wyekwipowania i uzbrojenia. Ten regularny pobór stworzył

najmocniejszą podstawę armii. Drugi wzór, amerykański stosowano przez tworzenie z reszty mężczyzn od 18 do 28 lat milicji, powoływanej do współpracy z wojskiem. Mniejsze jeszcze znaczenie miało pospolite ruszenie, złożone z całej ludności męskiej w wieku od lat 18 do 40, uzbrojonej w kosy i piki i prowadzonej przez dziedziców. W ciągu całego powstania potrafił Kościuszko wyprowadzić ogółem w pole 150 tysięcy ludzi.

Zaraz w pierwszej bitwie, pod Raclawicami wprowadził Kościuszko nową taktykę ofensywy i starał się wdrożyć wojsko do ataku na broń palną. Aczkolwiek bitwa raclawicka była potyczką jeno, ale niezmierna była moralna doniosłość stoczonego boju. To

było pierwsze niewątpliwe zwycięstwo polskie od czasów króla Jana.

W trakcie dwóch miesięcy wydał Kościuszko swój pierwszy wiekopomny uniwersał chłopski. Naprzód rozszerzył na całą Polskę reformy zastosowane już w Krakowskim. Darował każdemu żołnierzowi jeden dzień pańszczyzny, wszystkich zaś pospolitaków uwolnił zupełnie od robocizny na czas przebywania ich w obozie. Pod Połańcem zaś 7 maja podpisał „Uniwersał, zarządzający powinności gruntowe włóścian i zapewniający dla nich skuteczną opiekę rządową, bezpieczeństwo własności i sprawiedliwość”.

Kościuszko długo zwlekał z powołaniem rządu rewolucyjnego, czyli Rady Najwyższej Narodowej. Czekał na potwierdzenie tego aktu przez cały naród. Wreszcie zdecydował się i 10 maja przepisał organizację Rady.

Tymczasem Grochowski zdołał przejść Wisłę i przyprowadzić Kościuszcze 6400 ludzi. Z tego tysiąc z generałem Zajączkiem Naczelnik wysłał z powrotem w Lubelskie celem uformowania nowej armii z sił warszawskich i miejscowych dla osłony Polski od inwazji wojsk rosyjskich. Sam zaś ruszył na Denisowa. Już było jednak za późno. Albowiem 10 maja wkroczyła 10-tysięczna armia pruska z królem Fryderykiem Wilhelmem II na czele. Ustosunkowanie sił było nader niefortunne dla Polaków, których 15 tysięcy, w tym tylko 10 tysięcy regularnego żołnierza z 24 armatami stawało wobec 26,5 tysięcy regularnego wojska i 120 dział. Zaczął się szczekociński bój bez żadnych szans zwycięstwa. Po sześciu godzinach zaciętej walki, zaszczyt przynoszącej Kościuszcze, musiała się cofnąć armia polska straciwszy tysiąc kilkaset żołnierzy i osiem armat.

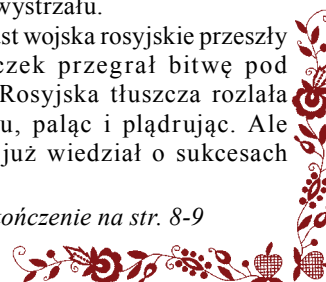
Naczelnik zażądał od narodu „natężenia republikańskiego męstwa», w porażce czerpał nową siłę ducha. Dokonał tak świetnego odwrotu ku Warszawie, że ogromnie osłabił znaczenie zwycięstwa sprzymierzonych. Ale Kraków był stracony. Tymczasem Prusacy zajęli miasto bez wystrzału.

Natomiast wojska rosyjskie przeszły Bug. Zajązdek przegrał bitwę pod Chełmem. Rosyjska tłuszczka rozlała się po kraju, pałac i plądrując. Ale Petersburg już wiedział o sukcesach powstania.

Dokończenie na str. 8-9

Przysięga Kościuszki na Rynku w Krakowie

Początek na str. 6

OBAWIANO się, żeby reszta oddziałów nie poszła na zatracenie, lękano się powstania w zajętych po pierwszym rozbiore prowincjach, stąd wycofywano wszystkie wojska z Korony, nakazano koncentrację na Litwie lub na pograniczu. Dlatego też armia Derfeldena ruszyła z Puław w Białostockie.

W Warszawie tymczasem rozwinęła się walka stronnictw: prawica wszędzie weszła jakobinizm; żywiły radykalne znów oburzone były bezczynnością całej machiny rządowej. Kościuszko znakomicie umiał kojarzyć sprzeczne dążenia i on jeden był w stanie utrzymać równowagę w wirze ówczesnych wypadków. Mniej szczęśliwy był w wyborze ludzi. Naczelnemu dowództwu na Litwie powierzył Wielhorskiemu, niechętnemu sprawie powstania. Po przejściowych tryumfach, rozszerzeniu się Insurekcji na całą Litwę, zajęciu Kurlandii z Lipawą, następował szybko zmierzch powstania. Przemozne oddziały rosyjskie wkraczały koncentrycznie ze wszech stron na ziemię litewską. Po bohaterskiej obronie Wilna, prowadzonej przez Jerzego i Stefana Grabowskich, wojska nieprzyjacielskie 11 sierpnia zdobyły stolicę Litwy. Ale w lipcu powstanie było jeszcze u szczytu. Liczbę wojska doprowadzono do 70 tysięcy, drugie tyle było milicji i pospolitego ruszenia.

Kościuszko zamknął się w Warszawie i tu, z 16 tysiącami regularnego żołnierza i 200 armatami wytrzymał z dobrym skutkiem oblężenie 40-tysięcznej połączonej potęgi króla pruskiego i hr. Fersena, rozporządzających 233 działami.

Warszawa nie była fortecą, a jej szanse sypane miały charakter połowy. To też obrona Warszawy jest wielkim czynem wojennym Kościuszki. Dowiedział tam Kościuszko, że był znakomitym inżynierem wojskowym, mistrzem w wojnie fortecznej. 27 lipca rozpoczęły się walki od szturm Woli, która stała się odtąd osią wszelkich poruszeń armii najeźdźczej. Gdy armie oblegające wstępnym bojem nie wskórały, rozpoczęto regularne oblężenie. Potężny generalny szturm powtórzył się 26 sierpnia, kierowany na Powązki i Marymont. Ks. Józef dał się tu zaskoczyć zniemacka, ale sprawę poprawił Jan Henryk Dąbrowski, który stawił mądry i mężny opór i doczekał się Kościuszki; ten rozstrzygnął akcję, poprowadziwszy w ogień milicję miejską i pułk „dzieci

SŁAWNI POLACY

warszawskich», dowodzony przez Kilińskiego. Odzyskano stracone pozycje.

Ostatecznie Warszawę uwolniło niespodziewane powstanie w Wielkopolsce. Zapoczątkował je kasztelan Mniewski. Pożar się szerzył, przecinał komunikacje, zagrażał tyłom armii pruskiej... Po ostatnim nieudanym szturmie armia ta poczęła się stopniowo cofać na Rawę i Łowicz. Dla wzmocnienia partyzantki wielkopolskiej, wysłany został z Warszawy w połowie września gen. Dąbrowski z 3 tysiącami regularnego żołnierza. Powstańcy wielkopolscy powiększyli tę siłę do 8 tysięcy. Szybkością poruszeń i gwałtownością natarć Dąbrowski potrafił przez parę miesięcy utrzymywać w szachu całą armię pruską.

Król ruszył na zachód, Fersen z armią rosyjską na południe, ale niezadługo rozeszła się wieść, że sam Suworow idzie uśmierzać powstanie. Ten niezwykczony

złączył się z niedobitkami Sierakowskiego i z 7-tysięcznym korpusem stanął na polach maciejowickich. Nie miał odwagi zabrać pozostałej reszty z Warszawy i odsłonić stolicy przed Prusakami. Bitwa była przegrana, a wraz z nią i powstanie. Dwa razy silniejsi Rosjanie zaczęli oskrzydlać Polaków. Piechota broniła się zawzięcie, lecz, gdy ujrzano jazdę rosyjską na tyłach, wszystko rzuciło się do ucieczki. Tylko pułk Działyńskich nie uciekał, legł wycięty do nogi, a „linia ich różowych rabatów i żółtych naramienników świadczyła, że nie ustąpili kroku». Kościuszkę obkoczyli kozacy między opłotkami wsi Krępa; raniony ciężko w głowę, piersi i nogę, na noszach przeniesiony został do zamku maciejowickiego. Prócz niego dostali się do niewoli Sierakowski, Kniaziewicz, Fiszer, Kopeć, Niemcewicz i parę tysięcy żołnierza.

Powstanie upadło. Ale dzięki krwawemu a cudnemu wspomnieniu Insurekcji

TADEUSZ

dotąd wódz rosyjski, słynny z swych błyskawicznych pochodów, pełnych impetu, ataków i szturmów, ze swego okrucieństwa, dziwactw i umiejętności oddziaływania na żołnierzy, prowadził 18 tysięcy najlepszego wojska i armat 60. Sam starczył za drugą armię. Szedł na Kowel, Brześć z południa. Położenie stawało się groźne. W razie połączenia się trzech armii – Suworowa, Derfeldena i Fersena – utworzyłaby się nawała, której żadna siła w Rzplitej, nie zdolna byłaby dać rady. Kościuszko rozumiał, że jedynym ratunkiem jest szybkość akcji, uprzedzenie przeciwnika i rozbitcie poszczególnych armii zanim się połączą, ale nie mógł się jakoś szybko zdecydować, nie mógł czynnie pogodzić się z tym, by Warszawę ogołocić z żołnierza lub odsłonić którąkolwiek stronę. W pobliżu Brześcia pod Krupczycami zaszedł Suworowowi drogę gen. Sierakowski. Wojska miał trzy razy mniej, armat połowę. Ta bitwa wytrwała i uporczywa przyniosła chlubę wodzowi i żołnierzom. Niestety, cofał się Sierakowski zbyt wolno, gdy szedł przez wąską groblę, zabiegli mu drogę kozacy... Nastąpiła straszliwa klęska: stracono dwa i pół tysiąca żołnierza i 28 armat.

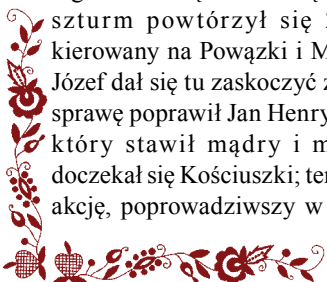
A niezadługo przyszła do Warszawy i druga hiobowa wieść: Fersen przeszedł na prawy brzeg z 16-tysięczną armią. Zniesienie Fersena, jako najbliższego, było jedynym ratunkiem, jedyną przeszkodą w połączeniu trzech armii. Kościuszko wyruszył czym prędzej z garścią żołnierza,

rozwiały się nieczne marzenia o wykreśleniu imienia Polski z liczby narodów.

Kościuszko, to ucieleśnienie zbiorowej duszy powstania, wykazał nieugiętą siłę woli, potężny geniusz organizacyjny, duże zdolności taktyczne i strategiczne. Przystwoił piechocie polskiej nowe metody taktyczne, wszczepił jej ducha zaczepnego działania. Oficerów nauczył prowadzić w natarciu. A mając już w sobie ducha nadchodzącej epoki, umiał zastąpić brak wyćwiczenia siłą poświęcenia i zapału. Takim był wielki czyn wojenny Tadeusza Kościuszki.

13 października, drogą okólną na Kijów, Czernihów, Mohylów i Witebsk przetransportowano „Naczelnika buntu» do stolicy carów. Podróż trwała dwa miesiące. Wieziono jeńca pod nazwiskiem szlachcica Szumańskiego, nie dopuszczano do niego żywej duszy. W Petersburgu wtrącono wodza do groźnych kazamatów Pietropawłowskiej twierdzy i oddano pod zarządek generał-prokuratora Samojłowa. Tam, zarówno on, jak i inni jeńcy polscy, mężowie stanu i członkowie generalicji, poddani zostali skrupulatnej indagacji; pytano się głównie o stosunki z Rewolucją francuską, o udział w powstaniu króla i rodziny Czartoryskich, o porozumienia powstańcze z kozaczyzną.

Wreszcie w maju ciężko zaniemógł. Przeniesiono go do pałacu Marmurowego, gdzie stopniowo wracał do zdrowia. Tak przebył, jako jeńiec, dwa lata. Katarzyna

II zamyślała podobno o jego uwolnieniu, ale wolność dał mu dopiero Paweł I, wróg polityki matki i rozbioru Polski, przychylny Polakom. W dziesięć dni po wstąpieniu na tron, w towarzystwie następcy tronu Aleksandra, sam przybył do wielkiego więźnia stanu i oświadczył mu o jego uwolnieniu. Kościuszko boleśnie skarżył się na smutny los swej ojczyzny. Paweł pocieszał go, że upadł Rzym i Grecja, na co Kościuszko odparł, że Polska zginęła w pełni sił żywotnych, w dobie odrodzenia duchowego. Na prośbę Kościuszki Paweł uwolnił również z więzień Rosji dwanaście tysięcy jeńców Polaków. Niestety, wolność tych ludzi uwarunkowana została złożeniem przysięgi na wierność Rosji i Carowi. W ręce Pawła złożył Kościuszko władzę daną mu przez naród i ten moment stał się odtąd tragedią jego życia, zmorą dławiącą go do końca dni jego, piekącym stygmatem,

nieukształtowana jeszcze myśl legionowa... 18 sierpnia 1797 roku Kościuszko przybył do Filadelfii. Towarzyszył mu Niemcewicz. Prowadzili tu żywot cichy, spokojny. Jako republikanin gorący przyjaźnił się Kościuszko z Jeffersonem, przywódcą partii demokratycznej, przeciwnikiem Waszyngtona. Namalował nawet jego portret. Ale porozumiewał się z Europą, utrzymywał stosunki z ambasadą francuską, czujnie śledził rozwój legionowych poczynań. Sercem był z nami.

W łonie emigrantów polskich silnie panowały niesnaski, zdawało się, że jedynie Kościuszko załagodzić je potrafi. Poleciwszy Jeffersonowi sprzedanie nadanej mu w Ameryce ziemi i z pieniędzy tych założenie szkoły dla wydziedziczonych pariasów murzynów, wyruszył Kościuszko 14 czerwca 1798 r. do Francji i w trzy tygodnie stanął w Bayonnie. Przejazd jego z Bayonny do Paryża był

Radykalizm społeczny napawał go zupełną nieufnością do wschodzącej gwiazdy napoleońskiej. Do Bonapartego nie dał się przekonać i przez całe życie z uporem Litwina nie chciał się przyłożyć do jego poczynań. Po przewrocie 18 Brumairea całkowicie się od sprawy legionowej usunął, a i później w 1806 r., gdy Napoleon zwrócił się do niego bezpośrednio, stawiał wymagania tak wygórowane, że równały się one odmowie stanowczej wszelkiego współdziałania w organizacji załóżka państwowości polskiej. A ponieważ imię jego pozostawało w tradycji jakby skupiającym sztandarem narodowym, osłabił w ten sposób impet twórczy i obronny ziem wszechpolskich w dobie napoleońskiej. Jego rola dziejowa była skończona. Zaprzyjaźniwszy się w Paryżu z posłem szwajcarskim, Zeltnerem, zamieszkał w jego rodzinie w Berville pod Fontenaibleau. Tam żył na uboczu, pracując w ogródku lub przy tokarni.

Silne i dawne były węzły łączące Kościuszkę z Czartoryskimi, to też gdy młody Adam Czartoryski stał się ministrem Aleksandra I, sympatie Kościuszki, pomijając jego zasadniczy republikanizm, skłaniały się raczej ku Aleksandrowi. Od niego oczekiwał inicjatywy w sprawie wskrzeszenia państwowości polskiej. Dusza jednak jego, obca dyplomacji, nie znała kompromisów. Zarówno Aleksandrowi, jak poprzednio Napoleonowi, stawiał maksymalne żądania, pragnąc Polski od morza do morza. Nie znał dróg pośrednich. Widział się z Aleksandrem w maju 1814 r. w Paryżu, a w rok potem w Braunau. Rezultaty rozmów nie zadowolili Kościuszki. Usunął się znów od wszelkiej roboty publicznej i względem Królestwa Kongresowego zachowywał stanowisko równie krytyczne, jak i względem pierwtworów napoleońskich. Pozostał idealnym hetmanem wielkiej Polski historycznej i zagaśł w dali od kraju na wygnaniu, spiżowy i samotny.

Pod koniec życia przejechał do Szwajcarii i tam mieszkał u Zeltnerów w Soloturnie. I chociaż zgaśł u stóp Alp, w kraju wolnych Szwajcarów, ale ciało wróciło z woli narodu, i straż nad nim objęły Wawelu królewskie kolumny. A gdy runie dom niewoli i na ziemi mogił i krzyżów z plonu krwi wyrośnie złoty chram wolności, nad cichą wioską polską czuwać będzie jego duch, duch Irredenty, i snuć się będą marzeń bezkresy o Polsce ludowej, wielkiej, rządnej i sprawiedliwej.

Według Włodzimierza
DZWONKOWSKIEGO
Warszawa, 1917

KOŚCIUSZKO

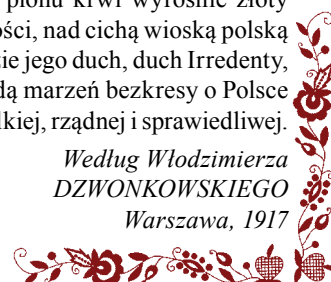
Wzięcie do niewoli Tadeusza Kościuszki

paraliżującym jego ruchy i działalność. Otrzymał od Pawła podarunki liczne, i ziemię, zamienioną mu na jego żądanie na pieniądze. Wyjeżdżał jednak z Petersburga z raną w sercu. Za pozwoleniem cesarskim podążył do swej drugiej ojczyzny, ażeby tam zacząć nowe życie: pojechał drogą na Sztokholm i Londyn do Ameryki.

Ale tysiące nici wiązało go z ziemią ojców jego. Przejazd Kościuszki przez północną Europę był jednym ciągiem owacji i hołdów, składanych mu, jako przedstawicielowi „tej, co nie zginęła». Tworzyły się już legiony w ziemi włoskiej i Polska bojowa, Polska niezłomna wyciągała ręce do hetmana ojczystej nawy. On się ważył, co robić, zbyt świeże jednak były wspomnienia przysięgi, zbyt

jednym szeregiem tryumfów. Legiony wysłały delegację na powitanie. Oddano Kościuszcze ster rządu sprawy ojczystej, nominalne dowództwo nad zaczątkami polskiej siły zbrojnej. Faktycznego nie chciał odbierać Dąbrowskiemu, inicjatorowi i twórcy legionów.

Pawłowi I odesłał pieniądze otrzymane w Petersburgu. Ale przysięga ciążyła... Odbiły się na nim rany otrzymane i przeżyte ciężkie katusze moralne. Nie umiał oddziaływać na ludzi tak, jak dawniej, nie umiał koić i jednoczyć, przeciwnie, skłaniał się ku frondzie radykalnej w obozie polskim, ujawniał brak zaufania do inicjatywy legionowej i do ujmującej ster rządów we Francji kontrrewolucji.

Początki

Towarzystwo Jezusowe powstało w 1540 r., założycielem był Ignacy de Loyola, Bask z pochodzenia. W młodości był rycerzem biorącym udział w licznych wojnach pomiędzy Hiszpanią a Francją. Podczas jednej z wypraw militarnych został ranny w nogę, w trakcie powrotu do zdrowia zaczął czytać Żywoty Świętych, pod wpływem których stał się gorliwym katolikiem i postanowił służyć Chrystusowi, najlepszą drogą według niego w XVI w. było rozpocząć studia. Trwająca w ówczesnej Europie reformacja od wystąpienia Marcina Lutra w 1517 r. przynosiła coraz większe straty wśród wiernych Kościoła katolickiego. Dlatego Ignacy po ukończeniu studiów postanowił stworzyć zakon, który przede wszystkim podejmie się walki z reformacją na drodze tworzenia nowoczesnego szkolnictwa. Pierwsi członkowie zakonu to byli przede wszystkim profesorowie z uniwersytetów w Hiszpanii i Francji. Struktura zakonu została zbudowana na doświadczeniach Ignacego jako rycerza, dlatego tak wiele w zapisach konstytucyjnych zakonu odnosi się do doświadczeń militarnych. Jezuita to rycerz Chrystusa.

Zatwierdzenie zakonu nastąpiło w Rzymie, miasto to stało się i jest nadal siedzibą generalistów Towarzystwa Jezusowego, o których bardzo często w literaturze przedmiotu mówi się czarny papież. Wynikało to z bardzo szybkiego rozwoju zakonu, już pod koniec XVI wieku jezuiti liczyli ponad 1000 członków. Dzisiaj nie ma potrzeby mówić o przełożonym jezuitów „czarny papież” ponieważ aktualny papież Franciszek był jezuitą.

Zakon podjął się od XVI wieku budowania kolegiów, które powstawały bardzo szybko w całej ówczesnej Europie. Opiekunami jezuitów byli katolicycy władcy i arystokracja ówczesnej Europy. Kolegia i domy Towarzystwa powstawały, zgodnie z konstytucjami zakonnymi, tylko tam gdzie możni gwarantowali zabezpieczenie finansowe dla jezuitów i uczniów kolegiów na długie lata. Dzięki takiemu rozwiązaniu szkolnictwo jezuitckie było darmowe.

Drugim ważnym filarem na jakim zbudowano zakon były ćwiczenia duchowne jakie napisał założyciel Ignacy de Loyola. Uczestnikami indywidualnych rekolekcji byli władcy, arystokracja i szlachta

Jezuici w i na początku

ówczesnej Europy. Członkowie zakonu działali na wszystkich dworach europejskich.

Podejmowali się misji na wszystkich kontynentach m.in. w Chinach i Ameryce Południowej gdzie stworzyli redukcje paragwajskie, pierwszą wspólnotę o cechach komuny. Na dworach władców pełnili obowiązki spowiedników i kaznodziejów, przebywając u boku decydentów ówczesnej Europy pozyskiwali wiedzę o charakterze politycznym, społecznym i gospodarczym, często także pełnili obowiązki doradców i wysłanników królewskich na inne dwory.

Towarzystwo Jezusowe w Polsce pojawiło się w 1564 r. zostali sprowadzeni przez kardynała Stanisława Hozjusza, przede wszystkim w celu tworzenia kolegiów, seminariów i podjęcia się walki z różnowiercami, których w Polsce w czasach reformacji było około 40 %. Rozwijało się bardzo dynamicznie, wiele fundacji na rzecz zakonu przekazały władcy Rzeczypospolitej, szlachta oraz hierarchowie Kościoła katolickiego. W roku 1579 została otwarta Akademia Wileńska, która powstała dzięki życzliwości króla Stefana Batorego wobec członków Towarzystwa Jezusowego. Pierwsze domy zakonne na ziemiach wschodnich m.in. w Połocku powstawały dzięki przekazywaniu ich przez monarchów jezuitom.

Wielka dynastia elekcyjna – Wazowie – panujący w Rzeczypospolitej od końca XVI w. aż do drugiej połowy XVII wieku także wspierali materialnie jezuitów. Jan Kazimierz Waza, król Rzeczypospolitej w latach swojej młodości był członkiem zakonu jezuitów. Odbył dwuletni nowicjat w Loreto i Rzymie, jego bracia Jan Olbracht i Karol Ferdynand pełnili godności biskupie w Kościele katolickim.

W środowiskach dworskich sukcesy jezuitów, ich coraz liczniejsze domy zakonne, majątek i wpływy na wszystkich dworach monarszych spowodowały, iż od połowy XVII wieku w Hiszpanii i Francji zaczęto mówić o potrzebie skasowania

jezuitów ze względu na zagrożenie jakie niosą. Pod wpływem tych środowisk dworskich zaczęto wyganiać jezuitów najpierw z Hiszpanii następnie Francji i Polski w 1772, aż doszło do ogłoszenia bulli o kasacji zakonu w 1772 r.

Pierwsze kontakty towarzystwa jezusowego z władzami Rosji

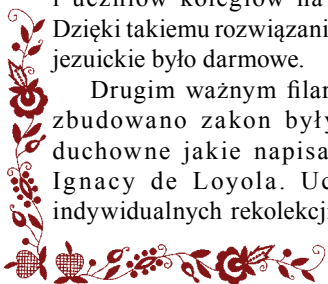
Moskwa nawiązała pierwsze oficjalne kontakty z Kościołem katolickim w momencie zawarcia małżeństwa pomiędzy Iwanem III a Zofią Paleolog (1472).

W trakcie polsko moskiewskich wojen pomiędzy Iwanem IV Groźnym a Stefanem Batorym, została podjęta na prośbę Rzymu misja jezuita włoskiego pochodzenia Antonio Possevina (1533-1611), której celem miało być przekonanie cara do przejścia na wyznanie katolickie.

Okres dymitriad w XVII w. spowodował napięcia pomiędzy prawosławnymi a katolikami, narastały liczne konflikty, powszechnym w użyciu wobec przedstawicieli wyznania rzymsko-katolickiego było nazywanie ich rimplaniami czy papieżnikami.

Posługa wobec nielicznych katolików w Rosji była prowadzona przede wszystkim poprzez duchownych znajdujących się w placówkach dyplomatycznych na dworze carów. Grupowali się katolicy przede wszystkim przy kościele św. Katarzyny w Sankt-Petersburgu oraz Moskwie w świątyni Niepokalanego Poczęcia Matki Bożej. Z badań nad liczebnością katolików posiadamy dane, iż w czasach Katarzyny II katolicy liczyli około 10 000 wyznawców w Rosji.

Pierwszą próbą zorganizowania i prowadzenia działań duszpasterskich wobec katolików było założenie misji katolickiej w Moskwie. Wielkim zwolennikiem takich działań był cesarz Leopold I (1658-1705), który zabrał w drodze do Moskwy kilku jezuitów. Przekonał cara Piotra I do zgody na działalność członków zakonu w stolicy, wielkim wsparciem byli także generał

prof. dr Dariusz KUŹMINA

Rosji w XVII XIX wieku

Patryk Gordon, katolik ze Szkocji oraz Wasyl Golicyn.

Car Rosji w swojej wewnętrznej polityce budowania silnego imperium dostrzegał początkowo, potrzebę współpracy z Rzymem i katolickimi mocarstwami: Rzeczypospolitą i Austrią. Deklarował się w polityce zewnętrznej jako przeciwnik Turcji i protestanckiej Szwecji.

Piotr Wielki przebywając w Połocku w 1705 r. odwiedził kolegium Towarzystwa Jezusowego, prawdopodobnie brał udział we Mszy św. i spożywał z nimi posiłek.

Zwrot w relacjach wobec katolików obserwujemy po zwycięstwie Piotra pod Połtawą w 1708 r., uznał, iż nie ma

potrzeby dalszej współpracy z Rzymem.

Pobył Jezuitów w Moskwie został zakończony decyzją Piotra w 1719 r., misja została za jego zgodą przekazana oo. Franciszkanom.

Jezuici w Rosji po kasacie zakonu

Katarzyna II odebrała w swoim rodzinnym domu wychowanie w duchu luteranckim, początkowo gdy pojawiła się w Rosji starała się pokazywać swoje przywiązanie do tego wyznania czego przykładem może być jej deklaracja, iż wychowa córką w duchu protestantyzmu. Gdy jej pozycja w Moskwie zdecydowanie wzrastała,

manifestowała swoje przywiązanie do prawosławia, zdając sobie sprawę z przywiązania obywateli do tego wyznania.

Rozpoczynając swoje rządy wydała 22.07.1763 r. akt o tolerancji, w którym zrównywała wszystkie wyznania. Pozostał on tylko na papierze, carycy zależało na kontynuowaniu polityki Piotra Wielkiego wobec wyznań w Rosji, czyli dążenia do podporządkowania państwu wszystkich wspólnot religijnych zamieszkujących Rosję.

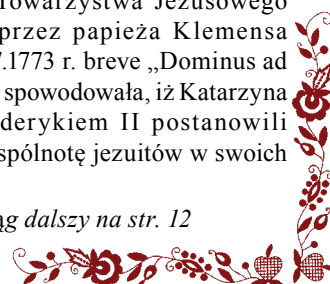
Na drodze prawnej podporządkowała w listopadzie katolickie misje Ministerstwu Sprawiedliwości, później kolejnym ukazem ograniczyła liczebnie sprowadzanie zakonników do Moskwy i Petersburga. Przykładowo franciszkanie w Petersburgu mogli stanowić zaledwie czteroosobową wspólnotę, a Kapucyni w Moskwie trzy osobową.

Po pierwszym rozbiórze Polski w 1772 r., w skład cesarstwa zostało włączonych ok. 100 000 katolików oraz 800 000 unitów (greko-katolików). Cesarzowa potwierdziła dla nich prawa do wolności religijnej. Dla wspólnoty katolickiej ustanowiła biskupstwo, które w przyszłości planowała podnieść do rangi arcybiskupstwa. Nominowany biskup miał zależeć według Katarzyny II od Stolicy Apostolskiej pod względem religijnych, wszelkie inne kwestie miały być uzgadniane z władzami świeckimi. Ksiądz Bohusz Sistrzeńcewicz mianowany biskupem katolickim otrzymał od generał-gubernatora Zachara Czernyszewa, w kilka dni po nominacji 26.11.1772 r. list w którym otrzymał instrukcje jak powinien zachowywać się w kontaktach z papieżem.

Gdy papież, albo kongregacja wyśle Wam bullę, albo rozkaz, albo jakikolwiek akt duchowej jurysdykcji w celu ogłoszenia ich katolikom guberni Białoruskiej, to nakazuje Wam I.C.M. aby taka papieska bulla albo dokument nikomu zgoła nie był poddany do wiadomości, ani ogłoszony, dokąd gubernatorowie ich do mnie nie odeślą, a Najjaśniejsza Imperatorowa na ręce moje nie da pozwolenia”.

Kasata Towarzystwa Jezusowego ogłoszona przez papieża Klemensa XIV w 21.07.1773 r. breve „Dominus ad Redemptor”, spowodowała, iż Katarzyna wraz z Fryderykiem II postanowili zachować wspólnotę jezuitów w swoich państwach.

Ciąg dalszy na str. 12

Początek na str. 10

WŁADCA Prus jak i Imperatorowa, uważali że nie zostali odpowiednio poinformowani przez Stolicę Apostolską o decyzji i dla wolności religijnych powinni wspierać zakon. Podnoszonym przez nich argumentem było także podkreślanie znaczenia jezuitów w procesie edukacyjnym. Oceniając, iż zakon prowadzi najskuteczniej szkoły w ówczesnej Europie. Ferdynand zmienił swoje zdanie i ogłosił kasatę zakonu na Śląsku w 1776 r., i w 1780 w Prusach tworząc jednocześnie na podwalinach jezuitów „Institutum Litterarium Regnum”, prowadzący szkoły na ziemi pruskiej, ale zależne od władzy świeckiej. Katarzyna zaś była konsekwentna. Dzięki właśnie Imperatorowej zakon w 1801 r. doczekał się powołania prowincji białoruskiej w Rosji i odnowienia całego zakonu w 1814 r.

Jezuici po ogłoszeniu kasaty w Polsce wiceprowincjał: Stanisław Czerniewicz, Gabriel Lenkiewicz i Józef Kattenbring udali się do Petersburga z prośbą o ogłoszenie breve papieskiego w Rosji. Dwór odrzuciła ich prośbę i poprzez gubernatora Zahara Czerniszewa zostali poinformowani, iż Katarzyna chce aby pozostali przy swojej regule i nadal pracowali w Rosji.

Oczekujący na zgodę Rzymu biskup białoruski w którego diecezji mieli działać jezuiti obawiał się, iż nie ogłoszenie breve wstrzyma jego nominację. Dzięki jednak przybyciu do Polski nowego nuncjusza apostolskiego któremu podlegał Sierżenieciewicz, Jana Andrzeja Archetti, zyskał prawo do urzędu ze Stolicy Apostolskiej. Katarzyna już w 22.02.1777 r. wydała ukaz zezwalający na otwarcie nowicjatu dla jezuitów, taka decyzja dawała nadzieję na zachowanie jezuitów w Rosji i konsekwentnie na świecie. Już w roku 1780 miało miejsce otwarcie nowicjatu w Połocku co zaowocowało licznymi powrotami do zakonu z Polski.

Caryca tak dalece zaangażowała się w kwestie wspierania Towarzystwa Jezusowego, iż bez zgody papieża powołała biskupa białoruskiego na metropolitę z siedzibą w Mohylewie. Wpierał także zakon następca Czernyszewa Grzegorz Potiomkin, który był wychowywany przez jezuitę Jana Benisławskiego. Po jego nominacji na sufragana białoruskiego, jezuiti zyskali we władzach kościelnych w Rosji i na dworze dwóch wielkich protektorów.

Jezuici w i na początku

Potiomkim wystarał się od Katarzyny pozwolenie na powołanie wikariusza generalnego dla zakonu.

Wiceprowincjał Stanisław Czerniewicz zwołał do Połocka współbraci na kongregację generalną, która wybrała go dożywotnim przełożonym zakonu 17.11.1782 r.. Po wyborze udał się do Petersburga gdzie Imperatorowa zapewniła jezuitów o swoim wsparciu dla ich dalszych działań.

Rzym znalazł się w bardzo trudnej sytuacji, przychylność Rosji wobec Towarzystwa spowodowała, iż podczas pobytu biskupa Jana Benisławskiego w Stolicy Apostolskiej, uzyskał on pozwolenie papieża na działalność jezuitów na Białorusi i postanowień połockiej kongregacji. Uzyskał także zapewnienie, że do Petersburga przybędzie legat papieski.

Wikariusz generalny zakonu w tak sprzyjających okolicznościach zdecydował się na otwarcie domu trzeciej probacji w Dyneburu, co przyczyniło się do kolejnego napływu byłych jezuitów na teren Rosji. Tym razem nie byli to tylko jezuiti polskiego pochodzenia ale także innych narodowości, a wśród nich ojciec Gruber – wybitny profesor z Niemiec.

Po śmierci pierwszego generała w Rosji o. Czerniewicza w 1785 r. kolejnym przełożonym został wybrany G. Lenkiewicz.

Znaczenie pobytu jezuitów w Rosji

Zakon pod rządami Lenkiewicza przeżywał w Rosji wielki rozwój. Ojciec Gruber sprowadził z Niemiec swoich współbraci i przy kolegium połockim, które zostało rozbudowane stworzył bardzo dobre centrum naukowe i dydaktyczne. Funkcjonowały w Połocku szkoły związane z architekturą, malarstwem i rzemiosłem. Wybudowano oddzielne gmachy w których stworzono muzea fizyki i mechaniki, laboratorium chemiczne i sale dla występów teatralnych.

Drugim ważnym obszarem poza naukowym i edukacyjnym było prowadzenie działalności duszpasterskiej poprzez liczne misje i posługę sakramentalną dla katolików. Towarzystwo w Rosji pod koniec 1785 r. liczyło 172 osoby, w tym 95 księży, 23 scholastyków, 6 nowicjuszy i 48 braci zakonnych. A dziesięć lat później wszystkich członków zakonu było już 202 w tym liczba nowicjuszy wzrosła do 16.

Kolejne rozbiory Polski wciąły w skład Rosji następne domy zakonne Towarzystwa. Car przedstawił o. Gruberowi plan objęcia edukacją mieszkańców Litwy, Podola i Wołynia w ręce zakonu. Uniwersytet Wileński wraz z dobrami za zgodą cara miał powrócić do jezuitów.

Po śmierci Katarzyny w 1796 r. nowy car Paweł I kontynuował politykę swojej poprzedniczki wobec członków zakonu. Kontakty z jezuitami miał od czasu jego pobytu w Połocku w 1776 r., kolejnym kolegium jakie zwiedzał i nawiązywał dobre relacje z polskimi jezuitami miało miejsce w Orszy w 1797 r.

Wikariusz generalny zakonu jezuitów poprzez o. Grubera zabiegał u Pawła I o wskrzeszenie jezuitów na całym świecie. Takie starania zostały podjęte przez dwór w Petersburgu ale śmierć papieża Piusa VI w roku 1798 r. przerwała starania Rosji. Nowy papież Pius VII

prof. dr Dariusz KUŹMINA

Rosji w XVII XIX wieku

odpowiedział przychylnie na głosy płynące ze wschodu w roku 1800, i rok później wyraził oficjalną zgodę na powołanie prowincji jezuitów na Białorusi. Papież breve z dnia 7.03.1801 r. zatwierdzał trzeciego generała zakonu o. Franciszka Kareu z określeniem, iż jest on zależny od Stolicy Apostolskiej. Pod względem formalnym zakon przetrwał swój najgorszy czas, papiestwo dzięki wpływowi dworu petersburskiego było coraz bardziej przychylnie zakonowi, co zaowocuje całkowitym przywróceniem jezuitów do swobodnego funkcjonowania na świecie w 1814 r.. Chwile radości jezuitów nie trwały jednak zbyt długo.

Niestety śmierć Pawła I w roku 1801 spowodowała, iż nastroje wokół zakonu w Rosji się zmieniły. Następca, Aleksander pod wpływem Adama Czartoryskiego i rektora Akademii Wileńskiej Hieronima Strojnowskiego nadał wyższej szkole w Wilnie status uczelni świeckiej, wchodzącej w skład powołanej w Polsce Komisji Edukacji Narodowej. Akademia miała także prowadzić nadzór nad szkolnictwem na ziemiach Litwy, Białorusi, Podolu, Wołyniu i Ukrainy. Ukaz z 14.05.1801 r. zabraniał jezuitom otwierania nowych domów i szkół. Otwierał jednocześnie spór a Akademią o zachowanie samodzielności w procesie edukacji. Uniwersytet chciał bezpośrednio decydować o przedmiotach nauczanych w kolegiach jezuitów i domagał się sprawozdań. Jezuitów wystarczyło w 1812 r. zgody senatu rządzącego na zachowanie samodzielności. Droga do niej była zgoda na powołanie Akademii w Połocku, dzięki której przestali zależeć od wileńskiej uczelni. Warto zaznaczyć, iż w dziejach jezuitów w Polsce od XVI wieku, starania zakonu o powołanie kolejnych akademii kończyły się niepowodzeniem. Car Aleksander wydał taką zgodę, czym zaskarbił sobie wielką zyczliwość członków Towarzystwa Jezusowego.

Od roku 1803 w utworzonym przez jezuitów w Petersburgu konwiktzie, dzieci arystokracji i bogatych Rosjan pobierały naukę.

Jezuici zabiegali u Aleksandra w 1805 r. o pozwolenie na zwołanie kolejnej kongregacji generalnej. Car Aleksander dekretem zmienił tytuł najwyższego przełożonego jezuitów w Rosji z wikariusza generalnego na generała Towarzystwa Jezusowego.

Na piątej kongregacji generałem został wybrany ojciec Tadeusz Brzozowski, jako następca po ojcu Gruberze brakowało nowemu przełożonemu odpowiednich działań we wzmocnieniu zakonu w Rosji.

Działalność jezuitów szczególnie w Petersburgu w kościele św. Katarzyny przynosiła wiele sukcesów, coraz częściej pojawiały się przejścia z wyznania prawosławnego na katolicyzm. Zakonnicy jako dobrze wykształceni i głoszący nauki w czterech językach przyciągali tłumy na uroczystości liturgiczne. W kolegium naukę pobierali dzieci największych decydentów w Rosji. Gdy minister obcych wyznał T. Golicyn dowiedział się, iż syn jego bratanka uczący się u jezuitów piętnastoletni Aleksander Golicyn odstąpił od prawosławia rozpoczął walkę z jezuitami. Był także skłócony z jezuitami w kwestii odmowy zakonników we wspieraniu i zapraszaniu arystokracji rosyjskiej do Towarzystwa Biblijnego, którego prezesem był Golicyn.

Minister zabraniał jezuitom drukowania katechizmów i biblii, walka pomiędzy nim a zakonnikami dotarła na dwór petersburski. Generał zakonu starał się przekonać cesarza, iż podejmie wszelkie działania w celu zaniechania kolejnych przejść z prawosławia na katolicyzm. Zobowiązywał się do

przyjmowania do kolegium w Petersburgu tylko dzieci katolickich rodziców. Starania te jednak były spóźnione 20.12.1814 r. władca Rosji wydał ukaz wydalający jezuitów z Petersburga, który został wykonany natychmiast. Kościół św. Katarzyny został przekazany dominikanom, którzy według dworu petersburskiego nie stanowili tak wielkiej siły duchowej i intelektualnej jak jezuiti. Zasadniczego jednak powodu odwrócenia się dworu i cesarza od Towarzystwa należy upatrywać w ogłoszonej w 1814 r. bulli „Sollicitudo ecclesiarum” na mocy której reaktywowano jezuitów na całym świecie. Ponownie więc zaczęli zależeć od Stolicy Apostolskiej. Dla cesarza Rosji nie było to dobre rozwiązanie, gdy zakon był zależny od Rosji, władze w Petersburgu decydowały o jego losie, gdy ponownie został uznany przez papieża, zaczęto spoglądać na członków zakonu jako wysłanników papieża co nie było dobrze odbierane w Petersburgu.

Jezuici wraz z generałem zakonu T. Brzozowskim przenieśli się do Połocka. Kolejne lata w Rosji nie dawały nadziei na rozwój zakonu. Na Białorusi od 1817 r. obowiązywał zakaz uczęszczania do szkół Towarzystwa.

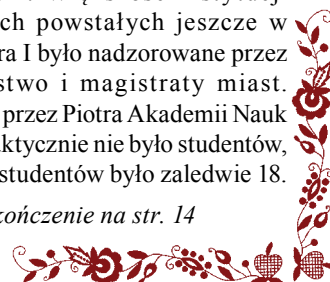
Ostatni generał jezuitów w Rosji zmarł w 1820 r., w tym samym roku wyszedł ukaz o wydaleniu zakonu z Rosji. Władze i arystokracja rosyjska chciała aby jezuiti zaprzestali działalności jako zakon ale pozostali jako księża i nadal prowadzili edukację na ziemiach Imperium rosyjskiego. W 1820 r. w Rosji było około 358 jezuitów, aż 345 udało się do Włoch aby nadal żyć zgodnie z regułą swojego założyciela Ignacego de Loyola.

Jezuici do Rosji powrócili po 173 latach i pierwszym przełożonym był Polak ojciec Stanisław Opiela.

Szkolnictwo jezuitów w imperium rosyjskim

Głównym powodem dla którego Katarzyna zaprosiła jezuitów do Rosji był bardzo zły stan szkolnictwa w Imperium. Do początku lat osiemdziesiątych XVIII w. nie istniał w Rosji centralny system zarządzania szkolnictwem. Większość instytucji edukacyjnych powstałych jeszcze w czasach Piotra I było nadzorowane przez duchowieństwo i magistraty miast. Na założonej przez Piotra Akademii Nauk w 1725 r., praktycznie nie było studentów, w roku 1753 studentów było zaledwie 18.

Dokończenie na str. 14

Jezuici w Rosji w XVII i na początku XIX wieku

Początek na str. 10

POWOŁANY do istnienia Uniwersytet w Moskwie w 1755 r., głównie z myślą o przygotowaniu nauczycieli do nauczania na niższych poziomach także nie cieszył się dużym zainteresowaniem.

Jezuicki system szkolny jaki został wprowadzony w diecezji białoruskiej był zgodny z postanowieniami Ratio studiorum Towarzystwa z 1596 r., w którym opisano bardzo precyzyjnie zasady działalności kolegów, przedmioty jakie powinny być wykładane i listę podręczników i lektur dla uczniów. Ten spójny system edukacyjny był realizowany we wszystkich kolegiach zakonnych na całym świecie.

Pierwszy etap kolegium jezuickiego obejmował pięć klas: infima classis grammaticae, media classis gramaticae, suprema classis gramaticae (albo syntaxa), humanitas i retorica. Każda klasa miała swojego nauczyciela, nauka trwała jeden rok, choć jeżeli uczeń nie czynił postępów mógł klasę powtarzać. Drugi etap szkolnictwa jezuickiego to dwu lub trzyletni kurs filozofii z elementami teologii i prawa kościelnego.

Podstawowym językiem wykładowym była łacina, drugim zaś greka, która jednak

z czasem była wypierana z kolegów Towarzystwa. W pierwszych klasach uczono przede wszystkim gramatyki łacińskiej, w kolejnych klasach uczniowie zapoznawali się z dziełami Cyserona, Owidiusz czy Cezara, których fragmentów uczyli się na pamięć. Podstawowym podręcznikiem w szkołach białoruskich prowadzonych przez jezuitów był podręcznik Emanuela Alwara Gramatyka łacińska.

W wyższych klasach humanitas i retoryki uczniowie zajmowali się dwoma działami: poetką i oratorstwem. Jezuici bardzo zwracali uwagę na wyposażenie absolwentów swoich kolegów w umiejętność mówienia z dużym przekonaniem wobec słuchaczy. Wiele cytatów jakie przyswajali sobie uczniowie były pomocne w pięknych mowach, szczególnie ważnych na forach administracji państwowej. Dlatego szlachta rosyjska i arystokracja tak chętnie posyłała swoje dzieci do kolegów jezuickich bowiem przygotowywały do działalności politycznej i administracyjnej.

Po pierwszym rozbiórze Polski w granicach Imperium znalazły się cztery kolegia i dwie rezydencje, w których pracowało 64 księża i 46 braci zakonnych. Jezuici prowadzili edukację w: Dyneburgu, Mohylewie, Mścislawiu, Połocku i Orszy.

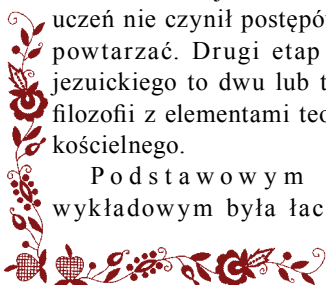
Dla potrzeb szkół prowadzonych w Imperium jezuita stworzyli system sześcioklasowy – takie szkoły istniały w Dyneburgu, Witebsku i Połocku. W pierwszych klasach nauczano podstaw j. rosyjskiego i łacińskiego, podstaw arytmetyki, historii biblijnej, podstawy geografii i katechizm. W klasach drugiej i trzeciej program pod względem przedmiotów był taki samy dodatkowo wprowadzano naukę języka niemieckiego i francuskiego. W klasie czwartej kontynuowano naukę języków i dodawano algebrę i geometrię. Piąta klasa była poszerzana o wiedzę z zakresu mechaniki teoretycznej i praktycznej. Wprowadzano także zajęcia ze stolarstwa, murarstwa, architektury wojskowej, balistyki i hydrauliki. Ostatnia klasa miała za zadanie przygotowywać do podjęcia się studiów nad czystą filozofią i wprowadzano uczniów w tematy związane z etyką, kosmologią, psychologią i ontologią. Średnia liczba uczniów dla poszczególnych klas wynosiła około 40.

Jezuici posiadali kurs teologii jedynie w Połocku, nie udało się utworzyć pełnej Akademii ze wszystkimi wydziałami w Połocku.

Towarzystwo Jezusowe w roku 2014 obchodziło 200 lat odwołania kasaty oraz w Polsce 450 lat od sprowadzenia. Przetrwowało w końcu XVIII w. dzięki postawie Imperatorowej Katarzyny II, kolejni cesarze dostrzegali w zakonie sile potrzebną do prowadzenia działalności edukacyjnej w Rosji.

Potrzeby i wspólne troski Rosji i jezuitów w XVIII w. spowodowały, iż różnice wyznaniowe pomiędzy wspólnotami: prawosławną i katolicką nie były brane przy podejmowaniu decyzji o zachowaniu jezuitów w Rosji. Taką współpracę współcześnie nazwalibyśmy dialogiem ekumenicznym.

Zachowanie Towarzystwa przez cesarzy Rosji to pewnego rodzaju śmiech historii. Stolica Apostolska pod wpływem niesłusznych oskarżeń o bogacenie się i wpływanie polityczne na całą Europę w XVIII wieku skasowało zakon, który przetrwał dzięki prawosławnej Rosji.

Наполеон Юзефович Круковский

Феликс Наполеонович Круковский

Евгений Феликсович Круковский

Род мой – Круковские

Хочу рассказать о своём дедушке Феликсе Наполеоновиче Круковском и о его потомках.

РОДИЛСЯ он под Гомелем в 1906 г. в католической семье Наполеона Юзефовича и Ольги Николаевны Круковских. Род имел шляхетские корни и пользовался гербом «Слеповрон». В быту деда величали на русский манер Фёдором Николаевичем.

У деда было трое братьев и три сестры: Николай, Юзеф, Бронислав, Паулина, Станислава и Мария. Юзеф и Бронислав были военными, причём Юзеф во время Великой Отечественной войны, будучи лётчиком, погиб в небе над Кольским полуостровом. Лишь об одной из сестёр моего деда – Марии – известно хоть что-то. После войны она проживала в Польше в городе Легнице. Обо всех остальных дедушкиных родственниках всяческий слух пропал.

До октябрьского переворота 1917 года дедушка Феликс Круковский учился в гимназии, а затем в поисках лучшей доли семья переехала на Донбасс. Оттуда мой дед, опасаясь преследований, обрушившихся на поляков, бежал в Махачкалу, где работал поваром в ресторане. В 1941 году он был призван в армию рядовым и попал на Сталинградский фронт. Репрессий дед таки не избежал и был сослан на Урал, где работал на угольной шахте. Там же работала и

Герб «Слеповрон»

моя бабушка Ксения Степановна. В городе Углеуральске родились у них двое сыновей – Евгений (мой отец) и Александр. Впоследствии семья переехала в Сталинград на строительство гидроэлектростанции. Жили они в палаточном городке. Дед работал плотником, а бабушка – поваром в столовой на строящемся объекте. В 1955 и 1956 годах соответственно мой отец и дядя поступают на учёбу в первый класс восьмилетней школы в городе Волжском. В 1976 году дед умирает, совсем немного не дожив до своего семидесятилетия. Бабушка пережила мужа на 17 лет и умерла

в 1993 году. А разница в возрасте супругов составляла 16 лет.

В городе Волжском у моего отца появляется семья. У него с моей мамой Марией рождаются двое детей – я, Алексей, в 1982 году и моя сестра Ольга – в 1987 году. У Александра Круковского с супругой Валентиной рождаются двое сыновей: Сергей в 1973 году и Андрей в 1981 году.

Отец хотел назвать меня Брониславом, и даже называл меня Броником и Бруняшкой, но поскольку родился я в феврале, нарекли меня Алексеем. После окончания в 2013 году Волгоградского медицинского университета я работаю врачом скорой медицинской помощи в Анапе.

Сам себя я причисляю к польскому народу и состою в приходе католического костёла в станице Анапской. Люблю свою историческую Родину – Польшу, интересуюсь её историей и самостоятельно изучаю польский язык.

Нам, полякам, проживающим в России, следует дорожить друг другом, гордиться своей исторической родиной, языком, традициями, национальной культурой и чтить память своих предков. Поляки всегда отличались независимостью характера, свободолюбием и высоким нравом. Нам есть с кого брать пример!

Алексей КРУКОВСКИЙ

В период многолетней работы «Полонии» на Палестинской линии местом, в котором из-за летней жары мы проводили много времени в дружеских беседах, была офицерская кают-компания. Наши каюты, расположенные на самой верхней палубе, солнце прокаливало нещадно. Отсутствие системы вентиляции и постоянно выходящие из строя электрические вентиляторы, которые обслуживал офицер-электрик Филипп де Бонд, не облегчали нашего положения. А вот кают-компания благодаря своему местоположению была относительно прохладным помещением, где мы охотно коротали свободные от службы часы.

Темой разговоров были преимущественно впечатления от последних экскурсий по историческим местам, лежащим в окрестностях портов, в которые мы заходили, либо рассказы о забавных событиях, случившихся на нашем флоте. Эти последние дождалась даже технического термина «покашливание о старых поляках», поскольку большая часть диалогов, произносимых героями повествований, вынужденно заменялась покашливанием — на пассажирских судах сквернословие было целиком и полностью исключено.

Неписанные правила кают-компания допускали разговоры о чём угодно, но запрещали выносить это за её пределы. К подобным повествованиям мы относились как к сокровищнице юмора, но никогда не задавались целью оговорить кого-нибудь или запятнать чью-либо репутацию.

В соответствии с морским кодексом в кают-компаниях избе-

*Императрица
Мария Фёдоровна
(принцесса Дагмара)*

жали разговоры на темы служебные, религиозно-политические и касающиеся знакомых и незнакомых дам.

Попытки штурманов сохранить в кают-компаниях дух наилучших традиций разбивались о сопротивление коллег-механиков, которые не поддавались уговорам являться на приём пищи исключительно в чистом и отказаться от служебных разговоров.

Особую проблему для кают-компания создавал Филипп де Бонд, страдающий неистребимой потребностью говорить всем — всё. Филипп обожал и признавал исключительно живую речь. Единственной его страстью была говорливость, единственным огорчением — отсутствие темы. На судне он знал всех и считался

ЗНАЧИТ

ходячей энциклопедией сведений о всей команде. Не признавал он тайн и любое подхваченное известие тут же повторял всякому, кто не отказывался его слушать. А когда его информацией «загружали», то он просто сиял от счастья.

Филипп пользовался симпатией кают-компания, поскольку мог воспроизвести по памяти все услышанные рассказы о жизни судов и их команд. Когда нам хотелось послушать цикл рассказов, услышанных от того, кто с нами уже не плавал или отсутствовал, стоило только попросить Филиппа, и он с неослабевающим запалом мог в сотый раз пересказать во всех подробностях сообщение о прошлогоднем случае.

К любимым темам кают-компания относилась история трёх первых польских трансатлантических лайнеров, к которым принадлежала и наша «Полония». Эта история была очаровательна, как сказка Андерсена, а её героиней была прекрасная датская принцесса Дагмара.

Детство Дагмары и её старшей сестры Александры прошло на родном острове в атмосфере сказок, которые они слышали из уст самого Андерсена. И как в сказке, взоры принцесс были обращены в разные стороны света. Прекрасной Дагмаре суждено было отправиться на восток, а ещё более очаровательной Александре — на запад. Их принимали самые большие в мире королевства. Принцесса Александра отплыла на запад и стала Королевой Морей.

Как в грустной сказке, наречённый прекрасной Дагмары, наследник престола восточной державы, неожиданно скончался. Умирая, он обязал своего брата обвенчаться с принцессой Дагмарой, которая таким образом стала владычицей крупнейшего континентального государства. В сказках немного места уделяется счастливым временам. Прекрасной Дагмаре выпало стать вдовой. При ней остался мёртвый

«Полония»

* Продолжение. Начало см. в №№ 32-33 (2011), 49-52 (2016) и 53-54 (2017).

КАПИТАН

«Пулаский»

титул, мёртвые королевские сокровища и память о вечно живом море, окружающем родной остров. Мёртвые королевские сокровища Дагмара обратила в три новых, кипящих жизнью трансатлантических лайнера¹. Продолжение истории суда писали уже сами на водах морей и океанов. Сменяли флаги, капитанов и команды, но для нас, на них плававших, никогда не переставали быть «сокровищами» принцессы Дагмары.

Как в сказке, вернулась принцесса Дагмара в родной замок на острове, но не перестала интересоваться людьми моря и приглашала к себе каждого, кто мог поведать ей о «сокровищах». Когда принцессы Дагмары не стало, интерес к «сокровищам» продолжал поддерживать принц с того же острова.

Три «сокровища» первоначально носили имена: «Курск», «Царица», «Царь». Выбор названия для первого судна стал темой для долгих диспутов в кают-компаниях и замысловатых исследований. Победило мнение, что фонетически это было

наиболее «морское» название. В его звучании слышалось слово «курс», и оно должно было символизировать вновь избранный курс мыслей принцессы Дагмары.

«Костюшко»

Названия остальных судов были понятны.

После Первой мировой войны три «сокровища» подняли флаги родного острова принцессы Дагмары. Их нынешние названия подчёркивали не только новый курс, который предстояло держать, но и звучали как эхо прежних титулов принцессы

Дагмары: «Полония», «Эстония», «Литuania»². После перехода под польский флаг «Курск», переименованный в ПОЛОНИЮ, сохранил это название вплоть до своего конца на разделочной верфи; «Царь» («Эстония») сменил название на ПУЛАСКИЙ, а «Царица» («Литuania») – на КОСТЮШКО.

В период освоения «сокровищами» линии Гдыня – Северная Америка атмосфера на судах напоминала атмосферу из сказки Андерсена, в которой портные сообща с придворными сумели убедить короля, что облачили его в прекрасные одеяния, хотя в действительности шеголял он нагишом, более доверяя словам, чем собственным глазам.

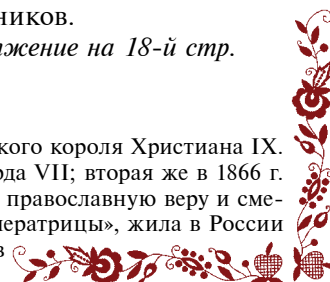
Это способствовало гипертрофии индивидуальных черт капитанов, черпавших основы своей власти ещё из эпохи «первого после Бога», когда выходящие в многолетнее плавание парусники утрачивали всяческие контакты с береговыми властями. Команде оставались лишь море, судно и капитан. Появление на судне радиотелеграфиста, который мог

получить «из воздуха» приказ для капитана, следует считать закатом эпохи «первого после Бога». Значение капитана было подорвано и перемещением движущей силы с парусов на дно судна, где приобрела она образ машин с «неизбежным злом» в виде механиков.

Продолжение на 18-й стр.

¹ Собственно, четыре. Четвёртый не сыграл роли в истории Польского торгового флота.

² Александра (1.11.1844 г. – 20.11.1925 г.) и Дагмара (26.11.1847 г. – 13.10.1928 г.) – дочери датского короля Христиана IX. Первая из них вышла в 1863 г. замуж за принца Уэльского, будущего английского короля Эдуарда VII; вторая же в 1866 г. стала супругой наследника российского престола, будущего императора Александра III, приняв православную веру и сменив имя на Мария Фёдоровна. В 1894 г. она стала вдовой и, сохраняя титул «вдовствующей императрицы», жила в России до 1919 г., а затем вернулась в Данию. Она всегда интересовалась судьбой пассажирских судов, в

**Капитан Зденко Кноетген
(БЕЛЫЕ МШИ)**

Начало на 16-й стр.

ПЕРВЫЕ польские капитаны на трёх «сокровищах» пользовались «сказочной» атмосферой, позволяющей им в максимальной степени проявлять собственные пристрания.

На каждом из трёх «сокровищ» господствовали иные порядки и свои обычаи. Если из-за отпуска кого-то из штурманов заносило не на своё, а на другое судно, или же на один рейс сменялся капитан, палубным офицерам казалось, что попали они в страну сказок или наоборот, что пришлось им столкнуться со стихийным бедствием.

* * *

Капитан «Пулаского» происходил из австрийского флота. Внешне ничем не напоминал он традиционного морского волка. Лишь в глазах его сапфиром отражалось Средиземное море — колыбель нашей цивилизации. Все три капитана на предыдущей службе были вынуждены пользоваться чужой речью, и всем им после перехода в польский флот пришлось преодолевать немалые языковые трудности.

В максимальной степени эти проблемы коснулись капитана К. с «Пулаского», поскольку язык, которым он пользовался раньше, в корне отличался от польского и грамматикой, и лексикой.

Однажды, один из офицеров, прибывший на борт судна за минуту до отхода, показался капитану источающим аромат, мало напоминавший запах кофе. Капитан, оценивая пригодность такого офицера к исполнению обязанностей по выходу судна в

ЗНАЧИТ

море, после долгих раздумий задал вопрос:

— Видеть ли вы белые мши³?

Произнося это, капитан, по привычке, держал выпрямленные пальцы рук, соединив их кончиками. Было похоже на то, что капитан собирается молиться или ему некуда деть руки.

Офицер возвращался не из костёла, о мессе понятие имел, но о белой мессе ему слышать вовсе не приходилось.

— Нет, пан капитан. Слышал я о мессе, которую читают или поют, о траурной мессе, но вот о белой ничего не знаю, — ответил офицер.

— Я не спрашивать, слышать ли вы, а видеть ли вы сейчас белые мши?

Офицеру показалось, что они поменялись ролями и что капитан в большем подпитии, чем он сам, поэтому задал вопрос:

— А пан капитан их видит? Вот сейчас пан капитан их видит?

— Я слышать, что вы мне не понимать, — спокойно отразил капитан.

Он вынул из кармана засушенный на первых порах словарик и, перекинув несколько страниц, повторил вопрос:

— Вы видеть белые мыши⁴?

С тех пор капитан К. стал носить загадочное прозвище БЕЛЫЕ МШИ.

При перешвартовке, то есть перемещении судна с одного места у причала на другое, капитан Белые Мши, увлечённый бумажной работой, остался сидеть за письменным столом в своей каюте, доверив выполнение манёвра старшему офицеру. Неожиданно раздался треск ломающейся древесины и грохот над головой. Над бумагами повисла вершина мачты, срезанная портовым краном, и пробившая при падении тонкую крышу каюты.

Капитан вышел на мостик, держа по обыкновению кончики пальцев сопряжёнными, и спросил старшего офицера, заканчивающего перешвартовку:

— Скажите пожалуйста, вы быть уверен, что правильно маневрировать?

Старший офицер ответил, что сделал всё, что можно было предпринять в этой ситуации для безопасности судна.

— Это быть очень хорошо, — подвёл итог капитан.

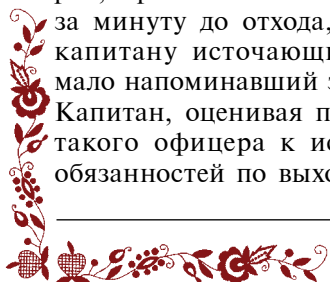
Капитан Белые Мши всю свою жизнь собирал и коллекционировал бабочек. Он обладал замечательным собранием собственноручно пойманных экземпляров. Капитану удалось приручить огромную самку бразильского паука из рода птицеядов, и этим достижением он чрезвычайно гордился. Покрытая бурными щетинистыми волосами, с брюшком размером с громадный грецкий орех, она вместе с лапками составляла не менее двадцати сантиметров в длину. Сидела она обычно на капитанском плече, любила греться в его ладонях, любила, когда он её гладил, и больше всего приходилось ей по вкусу еда непосредственно из его рук.

Чикита — так звалась великанша — никогда не покидала капитанского плеча по собственной воле. Если кто-нибудь пытался к ней прикоснуться, или она вдруг почувствовала беспокойство, то мгновенно скрывалась в рукаве капитанской тужурки.

Пассажиры относились к капитанской любимице неоднозначно. Были даже такие, что написали жалобу дирекции компании, будто они подвергаются смертельной опасности, которую представляет собой чудовище, сидящее на плече капитана даже тогда, когда он садится за один стол с пассажирами. Жалобщиками были, как всегда, люди, рождённые под знаком Близицецов, и даже если среди них попадались лица с иной датой рождения, то, вне всякого сомнения, их родители были вынуждены предать забвению точную дату столь важного для них дня.

³ Мша (msza) — это по-польски 'месса' (примеч. переводч.)

⁴ 'Видеть белых мышей' — то же самое, что 'напиться до зелёного змия' (примеч. переводч.)

КАПИТАН

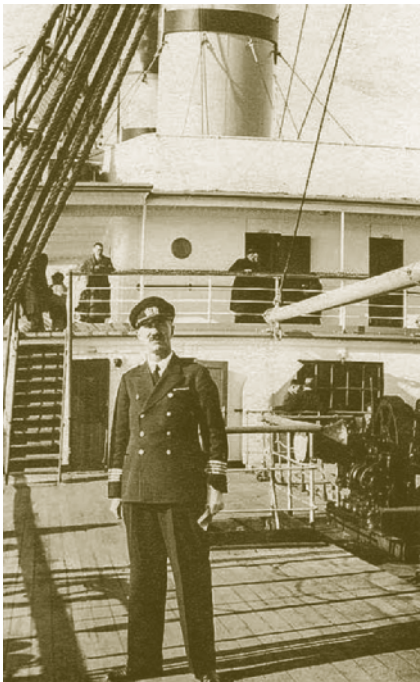
* * *

Капитаном трансатлантического лайнера «Костюшко» был **МОРСКОЙ ШАМАН**. Толстые тома не смогли бы вместить всех рассказов о «чудесах Шамана», капитана Б.

В любом порту мира у него находились бесчисленные знакомцы. Когда проходил он по портовым улочкам города, его весело и восторженно приветствовал продавец горячих каштанов. Для него широко и гостеприимно распахивались двери дворцов.

Морской Шаман считал основной обязанностью капитана «очаровывать» пассажиров, опираясь при этом на научный принцип, что «всё, что приносит нам счастье, фикцией не является».

Если при пересечении Атлантического океана в сотнях миль от берега встречалась одинокая чайка, Шаман тут же показывал её пассажирам и волшебным образом переименовывал в буревестника. При этом объяснял, что перемена случилась вследствие любовной трагедии, испытанной

**Капитан
Эустазий Борковский
(МОРСКОЙ ШАМАН)**

чайкой. Полагая, что жизнь сломана навсегда, никогда не вернётся она к родным берегам и будет оповещать о буре встреченные корабли. По образу и направлению полёта «буревестника» Шаман читал, как в открытой книге: какового шторма следует ожидать, в каком направлении и каковой силы будет ветер. Предсказывал он даже характер облачности, которая встретится нам по пути.

Мы обо всём этом знали исключительно по только что полученной радиостом метеосводке, а вот капитан Шаман знал всё по виду разочаровавшейся в любви чайки. Не подлежало никакому сомнению, что любой пассажир, выслушавший прогноз погоды по «буревестнику», мог перед судом присягнуть, что всё сошлось до мельчайших подробностей.

Если в группе пассажиров случайно оказывался орнитолог, то несчастный не мог обычно сообразить, как это в результате неразделённой любви могла произойти смена вида. Как и все другие слушатели, он был восхищён и ошеломлён подтверждением прогноза погоды, но, несмотря на это, отваживался обратиться к капитану с просьбой посвятить его в тайну. Капитан, как правило, обещал объяснить и приглашал орнитолога на вечер в бар.

После первой чашечки чёрного кофе, выпитой с капитаном в баре, орнитолог начинал понимать, на чём основывалось перевоплощение, а после второй все сомнения развеивались под влиянием сокрушительной аргументации, основанной на истории, которая в сокращённом виде звучала так:

— Факт отказа Наполеону Александром Первым руки своей сестры Анны превратил Москву в пожарище. Как в одном, так и в другом случае роль играли чувства. Чувства как Наполеона, так и чайки, были одинаково велики.

— Дорогой мой, — Шаман был с орнитологом уже «на ты», — если

огромная Москва превратилась в пожарище, то во что могла перевоплотиться такая маленькая чайка?

После третьей чашечки кофе орнитолог чувствовал, как под влиянием всё возрастающего восхищения Шаманом сам постепенно превращается в модного в те времена серебристого лиса «*a la Vex*⁵», причём в виде, готовом послужить украшением для самой соблазнительной дамы.

Шаман всегда лично следил за тем, чтобы новый его приятель и приверженец его необычайных теорий был удобно уложен в собственную койку.

Случалось, что Шаман среди ночи появлялся на мостике с группой пассажиров.

— Какова поправка компаса? — спрашивал он вахтенного офицера.

После получения ответа капитан сам лично принимался проверять точность расчётов «своих» штурманов. Поднимал он взор и руки к усыпанному звёздами небу, выбирал две ярчайшие звезды и громкогласно объявлял пассажирам:

— Это Дубхе, то есть Альфа Большой Медведицы, а вот та, дорогие мои, это Спика, то есть Альфа Девы.

Одну руку направлял он в сторону Дубхе, а другую — на Спикку и определял угол между руками. Пассажиры внимали затаив дыхание.

Капитан вскоре объявлял:

— Поправка двадцать с половиной градуса!

Наша поправка, рассчитанная при помощи пеленгатора, хронометра, астрономического ежегодника и сферической тригонометрии отличалась на полградуса. Но поправка Шамана была точнее.

Шаман обращался к вахтенному офицеру:

— Что на румбе?

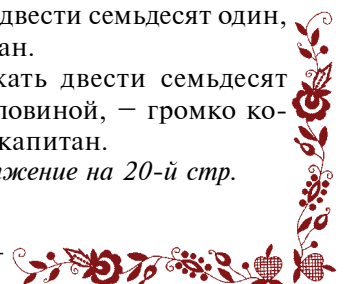
Офицер отвечал:

— Курс двести семьдесят один, пан капитан.

— Держать двести семьдесят один с половиной, — громко командовал капитан.

Продолжение на 20-й стр.

⁵ Вех, собственно Стефан Вехэцкий (10.08.1896 — 26.07.1979) известнейший варшавский прозаик, сатирик, публицист и журналист (примеч. переводч.)

Орден Подвязки

Начало на 16-й стр.

ВЕСЬ мостик тут же оживал от отдаваемых команд. Вахтенный офицер репетовал:

— Есть, держать двести семьдесят один с половиной, пан капитан!

После чего офицер громкогласно объявлял новый курс ассистенту, стоящему рядом с рулевым:

— По распоряжению капитана лечь на курс двести семьдесят один с половиной!

Палубный ассистент повторял полученную команду и тут же передавал её рулевому:

— На руле! Лечь на курс двести семьдесят один с половиной!

Рулевой отвечал:

— Есть лечь на курс двести семьдесят один с половиной!

Пассажиры становились свидетелями мистерий, разыгранных на судне ночью посреди океана. В их присутствии старый морской волк, под опекой которого находились их жизни, определил по звёздам истинный курс и вовремя исправил ошибку в полградуса, допущенную молодыми офицерами. Только с таким капитаном можно безопасно отправляться в океан!

Растроганные и полные впечатлений пассажиры сходили с мостика в полной уверенности, что именно благодаря любезности ТАКОГО капитана они непосредственно смогли познакомиться с тайнами управления судном.

ЗНАЧИТ

Ассистент, заметив однажды, как перепуганный и изумлённый лавиной команд рулевой переключивает руль, пытаюсь осуществить неисполнимое изменение курса на полградуса, подошёл к нему поближе и тихо пояснил:

— Успокойся! Это поправка для пассажиров.

Рулевой, подменяя коллегу, впервые попал в рейс под командованием Шамана.

Вечером в салоне начинается обед. Судовой оркестр играет модную мелодию, которая вдруг обрывается, и с восторженным грохотом самого большого барабана раздаётся марш ЭЛЬ КАПИТАНО. В обеденном зале появляется Морской Шаман при всём своём орденском параде. В руках он держит немнущиеся кожаные белые перчатки. Огромные стопы в лакированных туфлях перемещаются на манер коньков. Создаётся впечатление, что капитан въезжает в салон на лыжах. Шаман всем улыбается, отвешивая поклоны.

В какой-то из вечеров в салоне оказалось излишне много пассажиров, рождённых под знаком Близнецов. Им не понравилось прерывание мелодии, звучанием которой они наслаждались, и было решено заявить протест против исполнения «Эль капитано». После завершения обеда обиженные вышли на палубу в поисках интенданта, которому собирались выразить своё неудовольствие. Впотьмах вместо интенданта они по ошибке принялись изливать свои претензии штурманскому офицеру. Им оказался сын известного нашего драматического актёра, молодой офицер, но старый «костюшковец» — «Зелек». Он пояснил группе ропшущих пассажиров, что их намерения ничем не завершатся, поскольку капитан является Тайным Кавалером Ордена Подвязки и марш «Эль капитано» исполняется в его присутствии в качестве надлежащей ему привилегии.

— Хотя, *honni soit, qui mal y pense*⁶, гласит девиз этого ордена, — завершил он.

Но пассажиры протест заявили. Близнецы!

Если судно, которым командовал Шаман, в понедельник пребывало в море, то офицеры приглашали капитана на ланч в кают-компанию.

Шаман весьма ценил этот обычай, поскольку отражал он что-то вроде отсутствия разлада между офицерами и капитаном, прощение всех причинённых обид — ведь без единодушного согласия офицеров, питающихся в кают-компании, такое приглашение не могло иметь места. Шаман, озарённый улыбкой, появлялся в кают-компании в сопровождении своего стюарда «Казя» с подносом, заставленным бутылками и рюмками.

В торжественный момент, когда все рюмки были подняты, самый младший из офицеров не принял во внимание очередного крена судна, и несколько капель вина пролилось на палубу.

Заметив это, капитан зычным голосом, раздавшимся с двухметровой высоты, дал такое ценное указание молодому штурману:

— Дорогой мой, если ты порёшь ожерелье из жемчужин,

Капитан Борковский среди пассажиров

⁶ *Honni soit, qui mal y pense* (франц.) — Пусть стыдится тот, кто плохо об этом думает

— *Fajee whiiii!*

Затем подошёл он к рычагу парового свистка и дал пять гудков. Пять облачков пара вылетело из огромного зева, размещённого на передней дымовой трубе. Мощный звук сотряс воздух.

Как только Саблист «проехистел», капитан подозвал его к себе и с любопытством поинтересовался:

— Вы зачем свистели?

— Так ведь вы только что сказали: «*five whistles*»⁷.

— Ничего подобного я не говорил, — ответил обрадованный капитан. — Я сказал: «*fine weather*»⁸.

На другом «сокровище» начал службу ассистентом другой выпускник Морской школы, потомок дея аккерманских татар, Дейчаковский-младший.

Дейчаковский-старший, известный как «Длинный», был одним из первых выпускников Тчевской морской школы и уже успел совершить несколько рейсов на больших французских океанских парусниках. Парусник затонул в Бискайском заливе, а Длинный вернулся на «Львов» офицером, принося с собой рассказы об обычаях *sous les poiles long-courriers*⁹.

Дей-младший успел уже сделать полдиплома Горной академии, но, увлечённый рассказами брата, попал на «Львов». Первая попытка управления парусной лодкой, купленной братом, прошла в Гданьском заливе, ещё до поступления в школу. В какой-то момент лодка, лавируя нелегко от стоящего на якоре «Львова», легла на борт и затонула. На поверхности остались лишь две головы Деев. Старший, не переставая, инструктировал младшего так, будто они продолжали ещё находиться в лодке:

— Вот теперь сам видишь, что если бы ты отдал шкот, как я тебя учил, то всё пошло бы как следует!

Дей-младший окончил Морскую школу с золотыми часами и через несколько лет попал на одно из «сокровищ» в качестве ассистента.

Продолжение на 22-й стр.

КАПИТАН

они разлетятся по поверхности. Но их всегда можно собрать. А капли вина — никогда. Они утрачены навсегда!

Шаман был полиглотом. По его же собственным подсчётам говорил он на двенадцати языках. С любым пассажиром, с любым лицом, посетившим его на судне, он беседовал на его родном языке. Как-то, подменяя коллегу, я попал под правление Шамана. В тот раз он принимал на судне датского королевича, перенявшего морские чувства от прекрасной принцессы Дагмары. Так сложилось, что во время пребывания на судне почтенного гостя я оказался в поле зрения и орбите интересов Шамана. Капитан представил меня наследнику престола, не переставая ни на секунду говорить на его родном языке. Мне не пришлось откликаться, поскольку Шаман так и не дал мне слова. Я поджидал лишь соответствующего момента, чтобы выложить весь запас известных мне слов на языке королевского гостя и обратиться в бегство. Когда в процессе «очаровывания» королевича Шаманом наступила краткая пауза, я пролетел тут же заготовленное предложение, и откланялся со всей возможной изысканностью.

Когда я оказался на палубе в полном одиночестве, меня стали одолевать сомнения, не дал ли мне случаев Шаман по-датски какого-нибудь распоряжения. Я решил не показываться капитану на глаза, до тех пор, пока королевич не покинет судно. На случай недопонимания, я в свою защиту перед капитаном приготовил оправдание своего отсутствия. Якобы я понял так, что королевича не будет в замке на обеде, и капитан просил меня уведомить об этом королеву-мать. Однако королеву я в замке не застал, поскольку она уехала открывать ясли.

С Шаманом я встретился лишь перед выходом в море. Он мне сказал:

Датский капитан
А. Расмуссен

— Дорогой мой, ты очень к месту высказался. Я ведь перед этим заверил наследника престола, что в честь принцессы Дагмары все офицеры на судне знают её родной язык.

Это не очень расходилось с правдой. Прежде, чем на судах сменились капитаны, во время постепенного перехода судов под польский флаг, на них назначались ассистенты, которым предстояло служить там офицерами. Директорами компании и инспекторами длительное время продолжали оставаться датчане. Поэтому по необходимости приходилось этот язык познавать. Датские капитаны старались общаться с польскими ассистентами по-английски, но на практике при этом проявлялся сильный датский акцент.

В одном из рейсов в Северную Америку на мостике «Полонии» стоял на вахте в качестве ассистента наш сокурсник по Тчевской морской школе — Саблист.

Стояло морозное солнечное утро. Тишина. На траверсе правого борта была видна на горизонте небольшая точка — Кейп-Рейс.

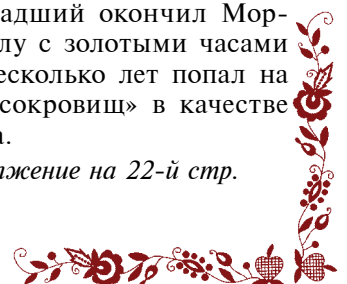
На мостик поднялся капитан Расмуссен в огромной меховой шапке. Он глянул в бинокль на маяк Кейп-Рейс и обратился к Фехтовальщику по-английски с датским акцентом:

— *Fajeeeee wheeseee!*

⁷ *Five whistles* (англ.) — пять свистков

⁸ *Fine weather* (англ.) — отличная погода

⁹ *Sous les poiles long-courriers* (франц.) — под парусами океанских судов дальнего плавания

ДАТСКИЙ капитан, не подозревая, что под его команду попал почти что Азия Тугай-Беёвич¹⁰, приказал ему однажды убрать кофейный сервиз, принесённый на мостик стюардом. Ассистент, приученный к выполнению распоряжений, но не желая никак не уронить достоинство дева, ни секунды не сомневаясь, на глазах изумлённого капитана весь серебряный и фарфоровый сервиз вместе с огромным подносом убрал за борт. В море!

* * *

ЗНАЧИТ КАПИТАН командовал третьим «сокровищем», трансатлантическим лайнером «Полония». Нам он был известен ещё по периоду командования учебным судном «Львов», железной дисциплиной и строгостью, что наводило ужас на наших коллег. Если кому-нибудь с другого «сокровища» случайно выпадала подмена на «Полонии», то он считал часы и минуты до её окончания. Нескольких из нас, выдержавших этот жёсткий порядок и чувствовавших себя отменно, несмотря на всю строгость капитана, стали считать сиамскими братьями, солидарно принимающими на себя все прератности судьбы.

Однажды мы отмечали в каюте чьи-то именины. Один из нас уже успел вовсю отведать закуску из крабов, которую задним числом признали несвежей и могущей стать причиной смерти. Остальные мгновенно приняли решение: — Ты не должен умирать в одиночку. Умрём все вместе!

Оставшихся крабов мы разделили между собой и съели, а потом за кофе стали ждать смерти, которая за нами не пришла.

Таким коллективом попали мы на Палестинскую линию. В отрыве от Польши мы жили исключительно жизнью судна. Во время стоянок мы так выстраивали службу, чтобы иметь возможность добраться до всех мест, известных нам до сих пор лишь по учебникам истории Древнего мира. Устраивали мы и коллективные экскурсии. Иногда

ЗНАЧИТ

время возврата на «Полонию» было рассчитано с точностью до секунды. Следует признать, что капитан делал вид, что не замечает, как мы вбегаем на судно в последний момент, возвращаясь из-под пирамид, Баальбека или Микен.

Грецию мы рассматривали глазами Парандовского¹¹. Некоторые, правда, поругивали его за то, что не написал книгу обо всех портах, куда заходила «Полония». Тогда бы мы хоть знали, что перед нами, — говорили они.

В море, особенно в жаркую погоду, жизнь концентрировалась в кают-компании. Для того, чтобы отвлечься от служебных тем, мы ввели правило, что любой, кто начнёт такой разговор, ставит всем присутствующим по бутылке портера. В течение двух недель от этого отучился даже второй механик. Этот несчастный человек жил исключительно «танками».

**Капитан Мамерт Станкевич
(ЗНАЧИТ КАПИТАН)**

Уже во входных дверях он принимался за своё: «Второй танк левого борта»... И продолжался бесконечный рассказ о том, что откуда и куда перекачивается и не перекачивается. Благодаря портеру это «перекачивание» прекратилось в кают-компании раз и на всегда.

Никоим образом нам не удавалось отучить электрика, Филиппа де Бонда, от выноса за пределы кают-компании услышанных там разговоров. И если механик «перекачивал», то этот «выносил». «Выносил» всё из кают-компании и выносил из кают неисправные вентиляторы, которых, по нашему мнению, никогда не ремонтировал, поскольку как раз на это времени и не хватало. Он не мог не говорить. Только нешуточный ультиматум, ставший под угрозу жизнь самого Филиппа, мог привести к результату. Тогда де Бонд направлялся в каюту кого-нибудь из более терпеливых, забирал у него вентилятор и относил менее терпеливому.

Электрика, выводящего нас из себя тем, что выносит услышанные в кают-компании разговоры, мы пробовали отправлять в лондонский Гайд-парк, где допускалось говорить всё обо всех, будто этот сквер был заложен в предвидении его появления на свет.

В море у нас не было доступа к прессе, но раз в сутки выходила радиосводка. Составляли её наши «маркони», вылавливая новости «из воздуха».

— Неужели вы ничего более интересного из воздуха поймать не в состоянии? — жаловались мы радиотелеграфистам после прочтения их машинописного листка.

— В такую жару? — неизменно парировал Максик Стшелюньский, человек добрейшего сердца. — Из такого воздуха разве что поймаешь?

Как-то утром по пути в Хайфу мы были вдруг потрясены известием, напечатанным в радиосводке:

АНГИЛИЯ БЕЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ НАЧАЛА ВОЙНУ ПРОТИВ

¹⁰ Азия Тугай-Беёвич — своенравный и отчаянный герой «Трилогии» Генрика Сенкевича (примеч. переводч.)

¹¹ Ян Парандовский (11.05.1895—26.09.1978) — прозаик, эссеист, переводчик, выдающийся знаток древнего мира (примеч. переводч.)

КАПИТАН

ФРАНЦИИ. ДЕРЖАВШИЕСЯ В УКРЫТИИ ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ ОБСТРЕЛЯЛИ ПАРИЖ ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОРУДИЙ НЕОБЫЧАЙНОЙ ДАЛЬНОБОЙНОСТИ. НАСЕЛЕНИЕ ПОКИНУЛО СТОЛИЦУ. ЖИЗНЬ В ПАРИЖЕ ЗАМЕРЛА. ФРАНЦУЗСКИЙ ФЛОТ ОКАЗАЛСЯ БЕССИЛЬНЫМ.

Это было нечто! Свободные от вахты кают-компанию не покидали, комментируя произошедшие в мире события и прогнозируя начало второй мировой войны. Конечно же, этот розыгрыш был придуман Стшелюньским. Часа через два мы, удовлетворённые отличной шуткой Максика, разошлись. Через несколько минут первый «маркони» был вызван к капитану.

— Значит, будьте любезны, значит, объясните мне, что это за война Англии с Францией? — капитан держал в руке листок радиосводки из кают-компания.

Первый «маркони» принялся оправдываться, что, мол, в кают-компанию постоянно жаловались на нехватку интересных сообщений в радиосводках. Тогда в экземпляре, предназначенном для неё, было дописано кое-что для удовлетворения пожеланий коллег.

— Значит, вы злоупотребили своими возможностями использования официального печатного органа. Значит, я требую, чтобы такие вещи впредь не повторялись. Значит, вы пренебрегли действующими правилами и возложенными на вас обязанностями. Значит, можете быть свободны!

«Отчитанный» и расстроенный радист поведал нам о случившемся.

Мы вскипели! Филипп, припёртый к стене, признался, что когда кают-компания опустела, он снял сводку и отнёс её капитану. Хотел увидеть, какое на него произведёт впечатление. В результате пострадали радисты.

На наши обещания «расплаты» за выносимые из кают-компания разговоры Филипп никак не реагировал, хорошо понимая, что

*Мамерт Станкевич
и Зыгмунт Дейчаковский*

держит нас под угрозой остаться без вентиляторов.

На следующий день мы стояли на якорях в Хайфе кормой к причалу. Вечером капитан съехал к семье на берег. Утром, придя на завтрак в кают-компанию, я застал там Дея-младшего. Втиснулся я между столом и диваном. Завтрак начался с грейпфрутов. Есть грейпфруты в сообществе Дея считалось занятием небезопасным. Он всегда умудрялся себе самому и присутствующим заливать глаза соком. Именно поэтому я в его присутствии ел грейпфруты с закрытыми глазами. Так было и на этот раз.

Неожиданно, чуть приоткрыв глаз, я увидел Филиппа, стоящего в дверях кают-компания. Закрыв глаз и делая вид, что его не заметил, я сказал Дею:

— Ты знаешь, что на «англичанине», стоящем на рейде, взорвался котёл? Погиб механик и трое кочегаров.

Я не успел заговорщически пнуть под столом Дея ногой, как тот возмущённым голосом ответил:

— Ничего подобного! Погибло шестеро! В момент взрыва на палубе у дымовой трубы был третий офицер и матрос. Их тела нашли позднее.

— Значит, таможенник съехал с него до того, как были обнаружены тела третьего офицера и матроса, — объяснил я Дею возникшую неточность.

На Филиппа мы даже не взглянули, будто и не заметили его. Электрик замер на входе. Я

открыл глаза и сделал вид, что лишь сейчас его заметил. Тему я тут же сменил и стал говорить о предстоящей смене погоды и о её влиянии на разгрузочные работы. Филипп ещё недолго постоял, надеясь услышать побольше подробностей, но когда понял, что ничего больше от нас не услышит, отказался от завтрака и покинул кают-компанию. Мы несколько не сомневались, что Филипп опять не выдержит, и вскоре всё судно будет говорить исключительно о взрыве котла на английском пароходе.

Филипп ринулся к трапу, но тут же натолкнулся на первого пассажирского помощника капитана. Через пару минут помощник был полностью осведомлён о том, что случилось на английском судне и сколько человек на нём погибло.

Пассажирский помощник сменил свой курс и тоже направился к входному трапу. Филипп задержался ещё немного, чтобы всё от начала и до конца рассказать своему приятелю бармену. Тем временем помощник добрался до трапа и сошёл в моторную шлюпку, встретившись с капитаном, который возвращался с берега. Перед съездом на берег на этой же шлюпке он успел информировать капитана о взрыве.

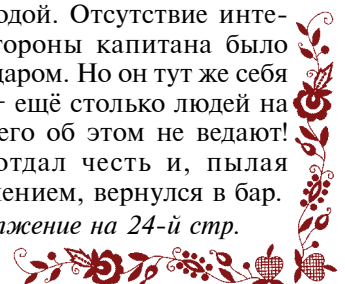
Филипп, насытив любопытство бармена, тоже понёсся к трапу. Вступающего на палубу капитана он заметил издали. Стремясь настигнуть его ещё до входа в каюту, Филипп влетел около четвёртого трюма на шлюпочную палубу и за надстройками бегом покрыл всё расстояние от бара до мостика. Перед самой каютой ему удалось капитана догнать. Отдав честь, задыхавшийся Филипп начал:

— Вы знаете, что на английском судне был взрыв котла и шестеро погибли!

— Значит, мне это известно, — сквозь зубы процедил капитан, который не переносил такого рода сенсации.

Филиппа будто облили из душа ледяной водой. Отсутствие интереса со стороны капитана было для него ударом. Но он тут же себя потешил — ещё столько людей на судне ничего об этом не ведают! Филипп отдал честь и, пылая воодушевлением, вернулся в бар.

Продолжение на 24-й стр.

КОГДА мы с Деем покидали кают-компанию, то от юнги, который прибирал наши каюты, услышали, что на английском судне взорвались два котла, около дюжины погибших и множество раненых. «Англичанин» почти полностью остался без команды.

Дей укоризненно глянул на меня и изрёк:

— А мне ты сказал, что один котёл и четверо людей! Пожалел?

Наше судно ожило и клокотало. Не было согласия по числу погибших. Однако все сомнения разрешал Филипп, ссылаясь на информацию «из первых рук», полученную от капитана.

— Капитан, как только вернулся с берега, говорил мне о шести погибших! — убеждал он, никому не давая слова.

Все свободные от вахты торчали на палубе и рассматривали несчастное судно. Оно стаяло на якоре, на рейде, носом к нам. Не было видно флага, который по мнению знатоков, должен быть спущен до половины флаштока.

Капитан вновь съехал на берег, предупредив, что вернётся к ланчу.

Около часу дня мы с Деем вновь встретились в кают-компании. На столе стояла огромная, накладного серебра ваза, полная горячего супа. Едва мы успели втиснуться на свои места, как в кают-компанию ворвался Филипп. Выглядел он ужасающе. Взгляд безумный. Он вообще по натуре был вспыльчив. Филипп бросился к столу с криком:

— Я вас поубиваю!

Потом бессмысленное:

— Моя жизнь, нет у меня жизни, моя жизнь ничего не стоит! Я вас, собак, поубиваю! Насмерть поубиваю! Мне смерть, но и вам смерть!

Если бы мы не сидели без возможности выбраться из-за стола достаточно быстро, этот лепет нас бы только развеселил. Но в тот момент мы были во власти разъярённого сумасшедшего. Положение становилось угрожающим.

— Вы меня на смех выставили! — орал он. — Я вас поубиваю! Нет мне жизни на этом судне! Из-за вас! Помрёте со мной!

Под эти крики он схватил со стола тяжёлую

*Ежи Мешковский
(САБЛИСТ)*

вазу с горячим супом и поднял её вверх, готовясь нанести удар. Нельзя было понять, кто из нас станет первой жертвой. В момент, когда Филипп был готов сокрушить голову Дея, в кают-компанию ворвался боксёр, скороход и Саблист в одном лице. Он знал, что случилось, и мгновенно оценил ситуацию. Прежде чем ваза оказалась на голове Дея, Саблист её перехватил. Филипп же, после удара сзади под коленку, вмиг присел.

Саблист быстро поставил вазу с супом на другой стол и, прежде чем Филипп успел атаковать, захватил кисть его руки и выкрутил её в запястье. Филипп во гневе продолжал бессильно метаться. Саблист беззлобно его уговаривал, но тот продолжал хныкать:

— Нет мне жизни на этом судне из-за вас!

Саблист отпустил его руку и стал объяснять, что именно сейчас он пытается совершить глупость:

— Не первый день мы тебя знаем. Всем известно, что тебя любим, но невозможно тебя отучить от повторения любых услышанных в кают-компании разговоров. Не тебе рассказывать, сколько уже по этому поводу было неприятностей!

Постепенно Филипп пришёл в себя и успокоился. В ярость его привела беседа с капитаном, ко-

ЗНАЧИТ

торый вернулся с берега, «волоча за собою челюсть». После выхода со шлюпки, ещё стоя на трапе, капитан распорядился вызвать к себе пассажирского помощника. Тот, конечно же, сразу заявил, что о взрыве котла узнал от де Бонда. Филипп, вызванный к капитану, пытался внушить ему, что обо всём узнал от него самого. Это у него получилось вполне естественно, поскольку в течение почти четырёх часов без перерыва всем на судне он рассказывал, что о несчастном случае узнал от капитана, во что, кажется, и сам поверил. Уверения Филиппа, что капитан сам первым рассказал ему о взрыве котла и шестерых погибших, вывело капитана из обычного равновесия:

— Значит, как вы смеете это утверждать! Пассажирский помощник, который мне об этом сказал, тоже узнал от вас. Значит, вы сами выдумали эту нелепую историю!

Филипп, защищаясь, заявил, что слышал, как в кают-компании об этом несчастном случае говорили палубные офицеры.

— Значит, как это говорили? Значит, говорили, или вам об этом сказали?

Филипп только теперь сообразил, что рассказывая капитану, как говорили мы между собой, его не замечая, угодил он в подстроенную нами западню.

— Значит, вы подслушивали то, что ваши товарищи рассказывали друг другу. Значит, это не соответствует ни чести офицера, ни элементарной этике. Значит, вы свободны!

После ланча капитан всех нас вызвал к себе в каюту. Когда мы вошли, то пригласил нас сесть.

Супная ваза

КАПИТАН

Был он не в настроении. Это достаточно мягкое определение, но им следует воспользоваться, поскольку было заметно, что капитан пытается себя сдерживать, чтобы быть не только начальником, но и хозяином. Судя по тому, что мы были приглашены к капитану все вместе, можно было ожидать, что разговор предстоит долгий и «исчерпывающий». Когда каждый из нас стал делать вид, что ему здесь очень удобно, раздалось холодно произнесённое сквозь стиснутые зубы хорошо нам знакомое слово «значит»:

— Значит, ввергли вы меня в крайне неприятную историю. Посещая агента, я поинтересовался у него, по какой причине взорвался котёл на английском пароходе, есть ли, кроме шести погибших, раненые, и можем ли мы чем-то помочь? Значит, услышав это, агент чрезвычайно удивился и тут же представил мне капитана этого английского судна. Значит, капитан, который тоже был у агента и слышал мой вопрос, был удивлён ещё больше. Он заверил меня, что ничего подобного на его пароходе не происходило, и, насколько ему известно, не случилось ни на одном из судов, стоящих ныне в Хайфе. Значит, поблагодарил он меня за готовность оказать им помощь, но стал размышлять, кому может быть выгодно распускать подобные слухи о его судне? Значит, чтобы загладить неприятное впечатление от моего сенсационного сообщения, пришлось пригласить капитана на коктейль. Я совершенно не предполагал, что потеряю на этом больше часа времени. Можете ли вы мне теперь объяснить, зачем это было сделано? Значит, когда вы перестанете этим заниматься? Будьте любезны!

Разговор на подобную тему мог, как всегда, принять совершенно неожиданный оборот и привести к ещё большему недоумению между нами и капитаном. Никто из нас не решился высказаться первым по этому

поводу. Неожиданно Дей проявил шепетильность и любезно обращаясь ко мне, изрёк полужёпотом:

— Ты начал, тебе и заканчивать. Приступай, не стесняйся!

Услышал это и капитан. Глянул он на меня и сказал:

— Значит, как всегда: вы не знали, но сказали. Говорите, будьте любезны!

— Пан капитан, вы помните ту французско-английскую войну в радиосводке, — начал я, — выдуманную нашими радиотелеграфистами? Мы полагали, что в кают-компании вполне допустимы шутки, если от них не страдает дисциплина или служба. Я сожалею, что вынужден говорить нелестно о нашем коллеге, но свойственен ему некий недостаток — постоянная потребность разносить новости. Что бы ни услышал он в кают-компании — тут же стремится поведать это всем. Не признаёт он никаких тайн, каждая услышанная фамилия, любая подробность и всякое замечание в чей-либо адрес будут им тут же «вынесены». И не успокоится он до тех пор, пока не убедится, что все на судне уже об этом знают. Напрасно мы упрашивали и умоляли. Разве, что не угрожали мы ему, поскольку он отлично знал, что может в ответ третируют нас.

— Значит, мне непонятно, — прервал капитан. — Значит, почему он может вас ТРЕТИРОВАТЬ? Вас?

Сказав это, капитан искренне рассмеялся.

— Очень просто, пан капитан. Де Бонд обслуживает электрические вентиляторы. А вы же знаете, каково в каюте в жару без вентилятора.

— Значит, я знаю, что в каюте дышать нечем, но что это имеет общего со взрывом котла и шестью погибшими на английском судне?

— Всё очень просто. Единственным лекарством для Филиппа от «выноса» из кают-компании, было, извините за употребление этого слова, «натравить» на него

Преторианцы

вас. Мы не сомневались, что «натравливание» удастся, и это средство де Бонда излечит.

— Значит, вы почитаете меня за лекарство?

— Конечно, пан капитан. Мы лишь опасались, что действие лекарства может оказаться столь сильным, то вы останетесь без преторианцев.

— Значит, каких таких преторианцев? — удивился капитан.

Настала очередь удивляться нам.

— Неужели вы этого не знаете? Всех нас, давно совместно с вами плавающих, вначале стали называть по вашему имени Мамертанцами, из жалости над нами по случаю повсеместно известной вашей дисциплины. С течением времени, когда стало понятно, что мы сами признаём эту дисциплину и её отстаиваем, и к тому же, вместо ожидаемых всеми недоразумений, проявлялось обоюдное сотрудничество, прозвали нас личной стражей Цезаря, то есть ПРЕТОРИАНЦАМИ.

Мы наблюдали, как капитан, слушая всё это, сначала покраснел, потом засмутился. Из желания сменить тему он вернулся к взрыву котлов и с улыбкой спросил:

— Значит, вы предвидели и то, что мне придётся поставить коктейль капитану английского судна?

Мы дружно рассмеялись, уверяя капитана, что он слишком высоко оценивает наши «навигационные» способности.

Продолжение на 26-й стр.

ЗНАЧИТ, не остаётся мне ничего другого, как угостить вас коктейлем. Именно тем, который я пил с капитаном английского парохода. Одну из бутылок я принёс с собой с берега.

— Этого мы тоже не предполагали, пан капитан! — заявили мы хором.

— Значит, я об этом тоже не догадывался, — со смущённой улыбкой ответил капитан.

ПО ПУТИ К ИТАКЕ

Наша жизнь на итальянской верфи, строящей для Польши первый современный трансатлантический лайнер — теплоход ПИЛСУДСКИЙ, совершенно не напоминала судовую. Жили мы в городе на частных квартирах, а столовались в ресторанчиках Монфальконе или Триеста.

Выплаченные нам командировочные мы старались по возможности экономить, чтобы вторую половину суббот и воскресения посвящать экскурсиям по Италии.

Мы составляли «костяк» будущей команды, в котором были представлены все службы. Нам предстояло проникать во все части судна, знакомиться с их оборудованием и наблюдать за ходом производства работ. Мы должны были судно «познать и понять», чтобы в будущем принять его под своё командование. На строящемся лайнере мы, однако, не были хозяевами, а кем-то вроде назойливых наглецов.

Наш новый гигант стоял на швартовах у набережной *Cantieri dell'Adriatico* в Мольфальконе. Издалека, со стороны заводской стенки, нос его напоминал огром-

ЗНАЧИТ

ную голову слона с опущенным в воду хоботом, сморщенным снизу цифрами, обозначающими осадку. Огромный серебряный щит украшал голову, из глазниц клюзов глядели выпуклые глаза патентованных якорей. Сквозь огромные проёмы в боку «слона» ежедневно по утрам входила на судно толпа людей. Мы терялись среди этой массы, устремлявшейся во все его уголки.

Познавание и понимание нового судна, а также овладение современным оборудованием требовало от нас «сапогов-сорокоходов». Мы как бы вновь попали в Морскую школу. Приходилось всё начинать заново. Полученные нами знания были вершиной знаний о парусниках. Умение совершать повороты на крупнейшем судне с прямым парусным вооружением здесь пригодиться не могло, как и умение уплотнить отверстие, через которое колонна мачты проходит сквозь главную палубу, или же поднять и установить брам-стенгу.

Даже три основные качества хорошего магнитного компаса: чувствительный, стабильный и спокойный (которые по мнению капитана Ледуховского являлись также тремя лучшими качествами хорошего супруга) — в современном гирокомпасе типа Сперри опирались на совершенно иные принципы его конструкции. Вспомнили мы экзамен по девиации и известное изречение нашего товарища по Морской школе Сташека Яворского. Вме-

Теплоход «Пилсудский»

сте с Эустахием Вишнёвским он не отказался от послеобеденной дремы в пользу изучения премудростей девиации. Яворский объяснил нам, что к моменту, когда они с Вишнёвским разберутся в девиации, будет построен мост из Европы до Нью-Йорка и по нему можно будет ездить на конных повозках.

— Девиация нужна больше не будет! Мы переждём! — завершил он.

Экзамен они, занимаясь по ночам, успешно сдали, один на пятёрку, а другой на четвёрку. Моста до сих пор нет. А вот путь наших судов из Балтики и Северного моря над Шотландией к мысу Кейп-Рейс через Северную Атлантику с айсбергами летом и ураганами зимой, остался.

* * *

На строящемся «Пилсудском» нас сразу же стала беспокоить недостаточная толщина листов обшивки, слабость конструкций, поддерживающих главную палубу, нагромождение над водой палуб при относительно небольшой осадке и высокое расположение тяжёлых спасательных шлюпок. Вид этого всего заставил нас усомниться в остойчивости «Пилсудского». Мы тут же стали её дотошно изучать, вспоминая

Спуск на воду теплохода «Пилсудский»

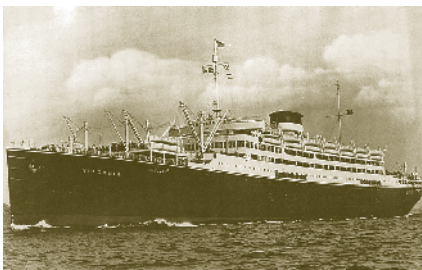

КАПИТАН

одно из наших «сокровищ», которое порожнёт и без балласта норовило лечь на борт просто от смеха, хотя и не возвышалось так над водой.

Целые дни мы проводили в изучении тонкостей производства работ, в слежении за трассами проложенных по судну кабелей (а счёт им был на километры), «разгадывании» тайн электрических и термических датчиков пожара, автоматических систем закрывания дверей в водонепроницаемых переборках, систем фотоэлектрических датчиков обнаружения задымления в трюмах, аппаратуры автоматического пожаротушения, гирокомпасов, телефонной связи, систем аварийной сигнализации и так далее.

Когда мы наблюдали за всем этим, старые «сокровища» казались нам прибежищами тишины, простоты и порядка. На «сокровищах» всё было несложно и понятно. Здесь же одна лишь лестница,

«Вулкания»

соединяющая с мостиком главную коммуникационную артерию судна, могла вскружить голову. Колонна, обвитая лентой лестницы, размещённая в толстой стальной трубе, пронизывала все палубы и чем-то напоминала башню в замке крестоносцев, где томилась в неволе Альдона¹². Мы её так и назвали «лестницей Альдоны».

Главная коммуникационная артерия в виде служебного коридора, тянувшегося по всей длине судна от бака до кормы, обладала всеми качествами портовой улицы. Здесь располагались входы в кают-компанию, в каюты команды, в электростанцию и машинное отделение. Отсюда можно

«Нептуния»

было попасть в гараж и в пожарную часть, в купальный бассейн и фешенебельный электрический лифт, который поднимал к солнцу на самую верхнюю палубу. По «портовой улице» можно было попасть в амбулаторию, к парикмахеру, в прачечную, и даже найти путь к морю!

На первом этапе мы терялись в этом лабиринте переходов, заполненных сотнями людей, каждый из которых напоминал муравья, несущего в челюстях вещь, предназначенную тайным распоряжением к размещению в определённом месте. В этом муравейнике мы были насекомыми другого рода, исполненными достоинства и энтузиазма. Сначала мы в глубине души воображали, что будем даже руководить работами. Позднее радовало нас счастье ухватиться за «нитку» какого-нибудь кабеля и проследить его путь. Если метод крепления или прочность некоторых опор вызывали у нас сомнения, мы пробовали обратить на это внимание «муравьёв». Обычные «муравьи» нас в принципе игнорировали и приходилось отыскивать «старшего муравья», руководящего работой. Но все наши замечания на любую тему вызывали лишь лавину итальянских слов, звучных и мелодичных, из которых можно было понять только три, всегда повторяющиеся слова: ВУЛКАНИЯ, НЕПТУНИЯ, ОКЕАНИЯ.

Слушая это, чувствовали мы себя никчёмными и беспомощными. Ведь не мы же построили «Вулканию», «Нептуню», «Океанию», а пытаемся поучать людей, которые это сделали! В нас

кипела обида и чувство неисполненного долга. Нам казалось, что если некоторые конструкции не будут укреплены, то при первом же шторме всё завалится. Если же кабели будут проложены не так, как следует, то при работе судна на волне всё оборвётся или лопнет. Но раз уж «Вулкания», «Нептуния» и «Океания» плавают с такими устройствами и конструкциями, то, быть может, и наш лайнер будет плавать?

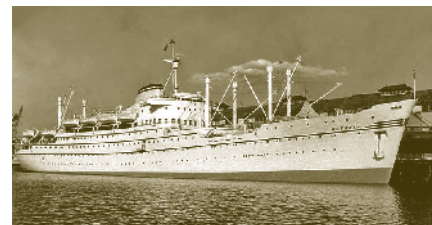
Когда за обедом в ресторанчике под названием «Citta del Udine» мы пришли к выводу, что на все наши рекламации следует один и тот же ответ, то с этого момента стали начинать разговоры с инженерами с утверждения, что хорошо нам известно, будто на «Вулкании», «Нептунии» и «Океании» это конкретное нечто сконструировано точно так же, но нам кажется, что для нашей северной линии следовало бы сделать иначе. Ответственный за работу придавал лицу весёлое выражение, радуясь по-видимому, тому что нам известны «Вулкания», «Нептуния» и «Океания», потом поддакивал, произнося неизменное *si, si*, и на этом всё заканчивалось.

Это приводило нас в такое состояние, что при виде, к примеру, плохо завязанного галстука или шнурков мы говорили друг другу:

— Твой галстук «Вулкания», «Нептуния» и «Океания»!

Как-то на вопрос капитана, как идёт ознакомление с судном и как мы оцениваем производство работ, мы ответили почти хором:

— «Вулкания», «Нептуния», «Океания»!

«Океания»

В ответ раздался один единственный звук:

— Гм!

И ничего больше, даже без любимого «значит». Впервые нам удалось объясниться с капитаном при помощи всего трёх итальянских слов.

Продолжение на 28-й стр.

¹² Альдона — героиня произведения Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» (примеч. переводч.)

ВСЕ эти наши болячки в конце концов были покрыты замечательной итальянской шпаклёвкой. Прочна она была, как железо, превращала даже самую шершавую поверхность в идеально гладкую, на которую отлично ложились и хорошо держались блестящие эмали. Под шпаклёвкой не было видно никаких изъянов.

С каждым днём нас охватывало всё большее беспокойство, как это всё будет действовать, когда исчезнут полчища «муравьёв», и мы сможем взять всё в свои руки. Мы старались предвидеть, что первым начнёт выходить из строя, чего нам следует опасаться, и чему следует научиться как можно быстрее.

С утра мы погружались в нарастающий с каждым днём гомон «Персидского базара», как мы теперь называли чрево нашего лайнера. Вечерами выходили мы из хаоса, который, как нам казалось, бесконечен. Нам представлялось, что так будет всегда, что люди, которые на этом судне работают, останутся навечно, как неотъемлемый его элемент. Чужаками чувствовали мы себя даже в каютах, в которых нам предстояло жить в ближайшем будущем.

Однажды, когда пробирались мы по главному коридору, который назывался нами «портовой улицей», попался нам на глаза миниатюрный, изящно исполненный итальянский карманный еженедельник. Фамилия его владельца не была указана, но вне всякого сомнения был им поляк. Как и мы, он был тяжело болен «Вулканией», «Нептунией» и «Океанией». Его страдания изливались одним лишь словом, вписанном в узенькую рубрику у каждого дня недели — БАЛАГАН. В отдельные дни особенных мучений втиснуты были в рубрику, как крик ужаса, два слова: НЕВООБРАЗИМЫЙ БАЛАГАН. В одном месте нам удалось прочесть выписанное мельчайшим почерком: НЕОПИСУЕМЫЙ БАЛАГАН. Ох, как хорошо мы его понимали! Владелец еженедельника стал объектом нашего пытливого любопытства. В поисках страдающей братской души мы неутомимо

ЗНАЧИТ

проводили следствие. Место, где был найден еженедельник, позволяло предполагать, что потерял его один из наших механиков. Но никто из них не признался. Демонстрировали мы блокнотик всем и везде, но найти хозяина так и не удалось.

* * *

Наступило, наконец, время, когда полчища «муравьёв» стали покидать судно. С каждым днём их становилось всё меньше, пока не прибыла итальянская палубная, машинная и гостиничная команда. Судно отправилось в Триест и стало на швартовы у представительского мола. Из Триеста нам предстояло отправиться в испытательный рейс в направлении любимого Одиссеем острова Итака, символа достижимого земного счастья.

В этот испытательный рейс верфь пригласила сотни людей, преимущественно из правящих сфер Италии. Мы тоже оказались на судне в качестве гостей верфи.

На обильно освещённом молу разместились оркестр военного морского флота. Вот-вот отдадим швартовы. Мы стараемся представить себя на всех постах, связанных с отходом судна. Оркестр играет замечательный марш «Деревянные солдатики», ненамеренный шедевр, написанный тестем по случаю возвращения домой с военной службы любимого зятя.

Мол перестаёт быть виден. Наблюдаются лишь расположенные

амфитеатром огни Триеста. Мы выходим в море.

Заводские испытания проходят успешно. Мы не принимаем в них непосредственного участия, но видим, что испытания проходят чётко и безукоризненно. Достигнутая скорость превосходит ожидания — двадцать один и семь десятых узла!

Наше нетерпение нарастает. Нам хочется как можно быстрее самим стать хозяевами, чтобы получить возможно больше времени для опробования всего.

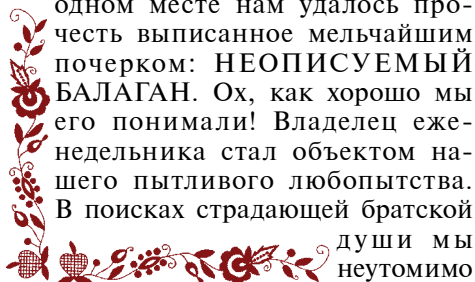
Из этого первого рейса мы возвращаемся в полном восторге, но с чувством неудовлетворённости. Продолжает нас волновать всё та же мысль — как судно поведёт себя на крупной волне? Какова окажется его остойчивость? Как оно выдержит первый шторм на Северной Атлантике?

Момент выхода в нашу Итаку — Гдыню, приближается неуклонно. Наконец прибывает команда и через три дня мы отправляемся в Польшу, принимая на борт более семисот пассажиров. И вот теперь мы на судне — хозяева.

Первый рабочий день. Перед началом работ весь экипаж выстраивается на юте. Друг против друга стоят палубная, машинная и гостиничная службы. Это напоминает нам случай наибольшей опасности: «Все наверх! All hands on deck!» Забыть об эпохе парусников не получается.

Вечерний Триест

КАПИТАН

Остров Итака

— Значит, мы здесь все собрались, — начинает капитан своё выступление.

Невольно вспомнился мне праздничный день Третьего Мая в Гданьске десять лет тому назад. На палубе учебного судна, на котором мы начинали свою морскую карьеру в атмосфере неверия всего общества и отрицательного отношения к нашим начинаниям высших государственных сановников, выступал этот же самый капитан. Там, на «Львове», мы были горсткой романтиков, которая вопреки всем и вся решилась прорваться в ряды людей моря, создать торговый флот, возвести порт, верфи, построить суда. Майское выступление капитана десятилетней давности отражало настроение неверия и было продиктовано, прежде всего, желанием отметить годовщину пробуждения народа из спячки.

Сегодня, десять лет спустя, мы имеем полное право называть себя людьми моря. Начинается наша служба на самом быстром и самом крупном пассажирском теплоходе Балтийского моря. На палубе стоят ряды людей, испытанных во всех службах работой на море, которая стала для них хлебом насущным. Мы отдаём себе отчёт о контрасте между нынешней командой, кото-

рая поведёт в море последнее чудо кораблестроения, и той группой парней, которая десять лет тому назад выстроилась на палубе шестидесятилетнего ветерана эпохи парусников. Мы отдаём себе отчёт в том, что это беспрецедентное достижение пробуждает веру в дальнейшее развитие нашего флота!

С опаской мы ожидаем продолжения капитанского выступления. Моряки выступать не любят, лишь некоторым удаётся стать рассказчиками. Работа на море не способствует развитию красноречия.

Капитан продолжает:

— Нынешний день — это знаменательный день нашего флага. Мы все сегодня должны отдать себе полный отчёт, что сегодня перед нами стоит задание, которое каждым из нас должно быть исполнено целиком и достойно. У нас всего три дня, в течение которых следует наилучшим образом познать судно и круг своих обязанностей. Этого времени должно хватить всем. Я понимаю, что в некоторых службах нехватка персонала, и что он будет перегружен работой. Но Польша направила нас сюда с верой, что мы сможем преодолеть все трудности. Мы должны оправдать оказанное нам доверие. Значит, каждый обязан

понять, что он не вправе думать даже, что он не сумеет исполнить, или не исполнит или же исполнит лишь бы как стоящую перед ним задачу. Значит, всем сейчас разойтись по своим заведованиям и приступить к работе. Значит, благодарю вас!

В соответствии с разработанной схемой началось ознакомление с лайнером. Отдельные группы возглавили те, кто заранее прибыл на судно. Бесперывно мы тренировались в действиях при объявлении тревог, спусках на воду моторных и спасательных шлюпок. Капитан регулярно обходил всё судно. Его челюсть, как барометр настроения, постоянно и чётко указывала на «fait» — «ясно».

Поздним вечером, когда мы, сидя в штурманской рубке, просматривали карты и изучали путь в Гдыню, к нам зашёл капитан. Он спросил, не предвидим ли мы каких-либо затруднений.

Всех нас переполняли только лишь благие мысли. Вся команда была поглощена своей исключительной ролью — быть первой на современном судне. После преодоления трудностей минувшего периода мы были уверены, что, если моторы не остановятся и не встретятся нам преогромные волны, то ничто не сможет затмить нам пути в Гдыню.

Мы завели разговор о пребывании на верфи. Вспомнился нам и еженедельник, и мы принялись рассказывать капитану о «братской душе», которая выразила свою озабоченность в форме лаконичных слов, записанных микроскопическими буквами.

Разговор, по-видимому, стал новил всё более фамильярным, поскольку челюсть капитана постепенно стала смещаться к «change» — «переменно». Сквозь стиснутые зубы он спросил:

— Значит, о каком еженедельнике вы говорите?

Из ящика из-под карт мы извлекли маленький изящный итальянский блокнотик.

— Мы нашли его в коридоре для команды, пан капитан.

Челюсть капитана сместилась на ШТОРМ. Сквозь ещё крепче стиснутые зубы он процедил:

— Значит, это мой блокнот!

Продолжение следует

- 770 lat – Śmierć księcia Konrada I Mazowieckiego (30.08.1247).
- 635 lat – Zmarł król Ludwik Andegawejski (12.09.1382).
- 625 lat – Książę litewski Witold zerwał współpracę z krzyżakami i zawarł w Ostrowie ugodę z Władysławem Jagiełłą, otrzymując namiestnictwo na Litwie i księstwo grodzieńskie (4.08.1392).
- 595 lat – Król polski Władysław Jagiełło wystawił przywilej dla szlachty, gwarantując jej m.in. nietykalność dóbr (27.07.1422).
- 595 lat – Po trzymiesięcznej wojnie polsko-krzyżackiej podpisano nad jeziorem Mielno pokój, na mocy którego Zakon wieczyście zrzekł się Żmudzi (27.09.1422).
- 555 lat – Kazimierz IV Jagiellończyk objął swoją protekcją kolonię genueńską Kaffa na Krymie (1.07.1462).
- 555 lat – Zwycięstwo wojsk polskich nad najemnikami krzyżackimi pod wsią Świecino nad jeziorem Żarnowieckim, po którym inicjatywa w wojnie przeszła w ręce Polaków (17.09.1462).
- 525 lat – Elekcja Aleksandra Jagiellończyka na wielkiego księcia Litwy (30.07.1492).
- 525 lat – Elekcja Jana Olbrachta na króla Polski. Zerwanie unii personalnej Polski i Litwy (27.08.1492).
- 525 lat – Jan Olbracht koronowany został na króla Polski (23.09.1492).
- 460 lat – W Rozwolu został zawarty antyrosyjski sojusz między mistrzem Zakonu Kawalerów Mieczowych Wilhelmem Fürstenbergem i królem polskim Zygmuntem Augustem (14.09.1557).
- 445 lat – w Knyszynie na Podlasiu zmarł Zygmunt August, ostatni król z dynastii Jagiellonów (7.07.1572).
- 430 lat – Część szlachty pod przewodnictwem kanclerza i hetmana Jana Zamoyskiego i arcybiskupa Stanisława Karnkowskiego wybrała królem Zygmunta III Wazę (19.08.1587).
- 340 lat – W Gdańsku król Jan III Sobieski zawarł przymierze ze Szwecją przeciw elektorowi brandenburskiemu (4.08.1677).
- 320 lat – Koronacja Augusta II Wetyna na króla Rzeczypospolitej w katedrze Wawelskiej (15.09.1697).
- 285 lat – *Traktat Loewenwolda* zawarty między Rosją, Prusami i Austrią w sprawie wprowadzenia na tron Rzeczypospolitej uzgodnionego kandydata (23.09.1732).
- 245 lat – W Petersburgu przez Rosję, Prusy i Austrię podpisano trzy traktaty ustalające granice I rozbioru Rzeczypospolitej (5.08.1772).
- 220 lat – Józef Wybicki ułożył słowa *Pieśni Legionów Polskich we Włoszech*, znanej też jako Mazurek Dąbrowskiego (5/21.07.1797).
- 210 lat – Utworzenie Księstwa Warszawskiego na mocy pokoju francusko-rosyjskiego w Tylży (7.07.1807).
- 210 lat – Napoleon I nadał konstytucję Księstwu Warszawskiemu (22.07.1807).
- 205 lat – Napoleon przyjął delegację polską z Józefem Wybickim na czele i wyraził swoją aprobatę dla odbudowy państwa polsko-litewskiego (11.07.1812).
- 205 lat – Zdobycie Smoleńska przez Wielką Armię Napoleona było zasługą głównie polskiego V Korpusu, który stracił w bitwie 1300 żołnierzy (17-18.08.1812).
- 205 lat – W bitwie pod Borodino straty polskiego V Korpusu wynosiły około 1900 poległych (5-7.09.1812).
- 205 lat – Wielka Armia dotarła do Moskwy, a pierwszym oddziałem, który wkroczył do miasta, był pułk „złotych huzarów” pułkownika Jana Nepomucena Umińskiego (14.09.1812).
- 200 lat – W krypcie św. Leonarda w katedrze wawelskiej złożono prochy księcia Józefa Poniatowskiego (23.07.1817).
- 195 lat – Wprowadzenie za zgodą cara cel protekcyjnych poprawiło bilans handlowy Królestwa, lecz wywołało wojnę celną z Prusami (13.08.1822).
- 120 lat – Do Warszawy przybył car Mikołaj II ciepło przyjęty przez mieszkańców (1.09.1897).
- 100 lat – Legioniści z I i II Brygady odmówili przysięgi na wierność państwu centralnym (9-11.07.1917).
- 100 lat – W Warszawie Niemcy aresztowali Józefa Piłsudskiego i podpułkownika Kazimierza Sosnkowskiego. Obaj zostali osadzeni w twierdzy magdeburskiej (22.07.1917).
- 100 lat – I Pułk Ułanów pod dowództwem pułkownika Bolesława Mościckiego stoczył całodzienną bitwę z Niemcami powstrzymując natarcie na Stanisławów (24.07.1917).
- 100 lat – W Łozannie powstał inicjatywy Romana Dmowskiego Komitet Narodowy Polski uznany przez Ententę, jako reprezentację Polaków na Zachodzie (15.08.1917).
- 100 lat – Tymczasowa Rada Stanu podała się do dymisji z powodu ignorowania jej przez niemieckie władze okupacyjne (25.08.1917).
- 100 lat – Powołano Radę Regencyjną, która miała stanowić najwyższy organ władzy państwowej do czasu wybrania króla lub regenta (13.09.1917).
- 95 lat – W Krakowie odbył się Zjazd Legionistów. Od tej pory zjazdy odbywały się corocznie (5.08.1922).
- 95 lat – Sejm podjął uchwałę o budowie portu w Gdyni (23.09.1922).
- 90 lat – Koronacja cudownego obrazu Matki Boskiej Ostrobramskiej w Wilnie (5.07.1927).
- 85 lat – W Moskwie Polska i ZSRR podpisały pakt o nieagresji (25.07.1932).
- 85 lat – W katastrofie lotniczej samolotu RWD-6 zginęli Żwirka i Wigura (11.09.1932).
- 85 lat – Rząd polski podpisał umowę z firmą *Fiat* na produkcję samochodów osobowych i ciężarówek (21.09.1932).
- 75 lat – Zmarł malarz Wojciech Kossak (29.07.1942).
- 75 lat – Polskie Siły Zbrojne tworzone w ZSRR zostały przekształcone w Armię Polską na Wschodzie pod dowództwem generała Andersa (12.09.1942).
- 70 lat – W Rzymie ukazał się pierwszy numer *Kultury*, miesięcznika literacko-politycznego (19.07.1947).
- 55 lat – Zmarł Leon Kruczkowski, prozaik, publicysta, autor sztuk scenicznych (1.08.1962).
- 40 lat – Zmarł wybitny pianista Witold Małcużyński (17.07.1977).
- 30 lat – Zmarła Pola Negri (Apolonia Chałupiec) – jedyna polska gwiazda kina niemeo (1.08.1987).
- 25 lat – Rząd rosyjski przekazał Polsce dokumentację zbrodni katyńskiej (14.07.1992).

Nikt bez ale

От запада до востока нет людей без порока

Cierpliwy wszystko wytrwa

Если долго мучиться – что-нибудь получится

Mysz kiedy się mąki obje, tedy jej się gorzka widzi

Сытую мышь мукой не соблазнишь

Jaki początek, taki też i koniec bywa

Было бы начало, будет и конец

Jaki pan taki kram

Каков поп, таков и приход

Po burzy pogoda nastaje

Перемелется – мука будет

Gdzie lwiej skóry nie staje, lisią się nadstawia

Не мытьём, так катаньем

Lekko przyszło, lekko poszło

Как нажито, так и прожито

Najpierw zamieć przed swym progiem

Начни с себя

Prochu nie wymyśli

С неба звёзд не хватает

Kto smaruje, ten jedzie

Не подмажешь, не поедешь

Słowo raz wyrzeczone nigdy nie powrócone

Сказанного не веротишь

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**

Nr 3 (55) 2017 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**

№ 3 (55) 2017 г.

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI.

Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.

Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077

Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: P.O.Box 30, Krasnodar–centrum, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ.

Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.

Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077

Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: А.Я. 30, Краснодар-центр, 350000, Россия

Modlin

Filadelfia

Mińsk

Boston

Łódź

Poznań

Kraków

Waszyngton

West Point

Szydlowiec

Chicago

Milwaukee

POMNIKI KOŚCIUSZKI